

[Polaris]

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

ПСИХО-МАШИНА

Полное собрание сочинений

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Salamandra P.V.V.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том I

**Виктор
ГОНЧАРОВ**

ПСИХО- МАШИНА

(Фантастический роман)

Salamandra P.V.V.

Гончаров В. А.

Психо-машина: (Фантастический роман). Подг. текста и прим. А. Шермана. – (Полное собрание сочинений в шести томах, т. I). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 135 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика).

Фантастический роман «Психо-машина» (1924) открывает впервые издающееся полное собрание сочинений загадочного Виктора Гончарова, одного из пионеров советской фантастики.

Вместе с героями романа читателя ждет знакомство с «психо-механикой», злобными заговорщиками и древнейшей цивилизацией инопланетян на Луне, где пришельцы с Земли немедленно устраивают мировую революцию.

© А. Sherman, подг. текста, прим., 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 2014-2015 гг. в рамках серии «Polaris: Путешествия, приключения, фантастика» нашим издательством были переизданы четыре романа Виктора Алексеевича Гончарова, одного из пионеров советской научной фантастики.

Сегодня мы рады представить читателям первое за почти 100 лет полное собрание сочинений В. А. Гончарова, в которое вошли все известные и атрибутируемые произведения этого загадочного писателя.

Мы с глубокой благодарностью посвящаем настоящее собрание всем, кто делился с нами советами, текстами и, конечно, дружеской поддержкой.

Salamandra P.V.V.
апрель 2016

ПСИХО-МАШИНА

(Фантастический роман)

В. ГОНЧАРОВ

ПСИХО- МАШИНА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

По просьбе редактора, сообщаю следующее:

Помещаемая ниже рукопись попала ко мне при самых необычайных обстоятельствах... Сначала я получил сапог... Самый обыкновенный сапог. Он прилетел откуда-то сверху и больно ударил меня в голову.

Я немного глуховат — это следствие моей профессии, поэтому, когда я с удивлением и немного рассерженный (посудите сами — сапогом да еще в голову!) взглянул вверх, то увидел, прежде всего, странный сигарообразный аппарат из белого металла... Аппарат висел в воздухе, без всякого шума, на расстоянии 9-10 метров от меня, а из четырехугольного отверстия его выглядывала по пояс фигура с белокурой взлохмаченной головой и довольно озорной физиономией... Юноша лет 18-19-и. Он что-то кричал, делая мне выразительные знаки, но они были не настолько выразительны, чтобы я хоть что-нибудь понимал.

Должно быть, он давно кричал, так как, в конце концов, обратился к помощи сапога.

Потом из «сигары» прилетела эта рукопись-дневник, а сама сигара, пока я разглядывал воздушный подарок, куда-то исчезла, оставив после себя свист; значит, улетела.

Если бы не эта «сигара», которую я видел собственными глазами, не взлохмаченная фигура и не сапог, оставивший мне чувствительное воспоминание в виде шишки на голове, я никогда бы не поверил тем фактам, что прочитал, нужно сознаться, за один раз, сидя на горе, где я производил изыскания по вопросу о напластованиях палеозойской эры.

Прочитав рукопись (думаю, что я имел на это право), я отнес ее в Комсомол, предполагая, что моя миссия окончена.

Событие с сапогом и рукописью произошло со мною в Тифлисе, в 2 часа дня 7-го ноября 1922 года, на горе св. Давида, знаете, там, где есть дорога на фуникулер. Если кто

из читателей видел то же, прошу отозваться, чтобы избавить меня от невольного авторства «Психо-машины», к каковому мнению склонен редактор Комсомола.

Профессор Z e n e l

...Он только что соскочил с подножки вагона на полустанке «Криволучье» и бодрой пружинящей походкой, выдававшей его 19 лет и привязанность к спорту, весело насвистывая мотив несуществующей песенки, через миниатюрный вокзал направился к недалеко раскинувшейся деревушке.

— Ах, черт! Вот где солнце-то! Это тебе не ленинградское, сдавленное домами и провонявшее дымом!.. Нет, брат, тут не солнце, а малина!..

Его все опьяняло и взбудораживало. Подмывало, козлом избоченясь, вприпрыжку пуститься по проселочной дороге, мягкой и горячей пылью наватенной...

Воробьи, задорно чирикавая, дрались, пух и перья пуская по золотистому воздуху, и копошились с гвалтом в лошадином помете в поисках нераздавленного зернышка... Пролетели две бабочки-крапивницы — будто в глазах запестрело от лучистого солнца: то крылышки их яркоцветные промелькали. Прошумел мягко по пыли и обогнал откуда-то взявшийся велосипедист, напугав неожиданным своим появлением... И Андрей не выдержал-таки: избоченился, зареготал, выкинул два-три козлиных колена вслед удалявшемуся с удивленной оглядкой велосипедисту...

— Нехорошо, брат, нехорошо!.. Ведь ты замзавагитпроп! Если бы тебя ленинградские твои комсомольцы увидели...

Смутил сам себя и остановился, хотя через край лезла необузданная молодость и блаженно расплывалось лицо в улыбке до ушей.

Вот и деревушка. Старая крестьянка с коромыслом через плечо брела от колодца, сгибаясь под тяжестью полных ведер.

— Дай-ка, бабуся, — подмогну!

— Та ни! Мабуть, сама донесла б... Трошки видсталося.

Однако коромысло передала, с любопытством окидывая с ног до головы неожиданного помощника.

— Видкеля, хлопец, будешь? Москаль, чи що?

— Я, бабушка, того... — заулыбался смущенно Андрей, — не особенно по вашему-то...

— Так! Так! Москаль и е, — обрадовалась старушка, — то-то ж я бачу — у нас таких нема!..

— А где здесь, бабушка, живет товарищ Петрусенко?.. К нему я приехал...

— Аж ось! Як раз з намы рядком... — указала она на белую, уютную хатку с палисадничком около и обязательными подсолнухами в нем. Старушка переняла коромысло и поблагодарила, а Андрей бегом пустился к нарядному домику.

Но Петра там не застал. Застал лишь старика отца, хохла добродушного, и мать, принявших его, как своего сына.

— Петр уехал в Полтаву, обещал через неделю вернуться... Да вот уж две прошло... А вы отдыхать, что ль, приехали?

— Да. Я отпуск получил по болезни... Легкие у меня, того, приболели... Три месяца дали мне...

Старик соболезнующе покачал головой, а мать, вдруг спохватившись, принялась устанавливать стол коржиками, пиндиками, варениками, сметаной и прочим украинским снадобьем. Андрей с аппетитом 19-летнего стал уписывать за обе щеки.

Старики чинно уселись рядком, вежливенько отвернулись и, как, бы собравшись с силами, вдруг засыпали Андрея жалобами на дороговизну, непорядки, нехватки в хозяйстве и, наконец, на службу, которая заставляет сынка часто отлучаться и подолгу пребывать в отъезде.

19 августа

Вот я и в «Криволучьи»! Хорошо здесь: люди все такие простые, но яркие и сочные... Каждый крестьянин, начиная от безусого «хлопца» и кончая лысым и бородатым «дидусем», наделен своей особой, интересной личностью; все — большой руки комики: любят поговорить и поиронизировать даже о том, чего совсем не понимают!..

С места в карьер я по старой привычке принялся было за маленькую агитацию среди них... Почва хорошая! Так и ловят, так и всасывают каждое слово!..

Но... вспомнил вверх поднятый морщинистый палец и громадные очки моего старого друга — ленинградского врача:

— Друг мой, если вы хотите поправиться и снова и так же интенсивно работать, вам надо на время совсем забыть о служебных и партийных обязанностях... Даже самую невинную агитацию я вам запрещаю!..

Черт возьми! Неужели я развалюсь, если поговорю с одним-другим на темку, которая и меня, и слушателей глубоко интересует и волнует?..

Правда, однажды, когда мне пришлось целых два часа митинговать — так, случайно это вышло, — у меня опять поднялся старый кашель и даже снова появились в мокроте жилки крови...

Ну, да ладно, теперь — баста! Буду крепко противиться тому бесенку, который сидит у меня внутри и всякий раз подмывает меня к выступлению при удобном случае...

А таких случаев — хоть отбавляй!

II

Ночь того же дня

Сегодня вечером имел необычайно интересную встречу. Вот уж никак не ожидал в такой глуши встретить подобных людей.

На закате солнца вышел я прогуляться (а я только тем, кажется, и занят, что ем, сплю да гуляю!). Деревушка маленькая, так я махнул за окраину... Там есть рощица с речонкой, версты две от деревни, очень красивая местность, в самом настоящем украинском стиле. Я направил свои стопы туда. Совсем уже стал подходить к ней, как был остановлен возгласом:

— Послушайте, товарищ, вы не знаете, который теперь час?

Оборачиваюсь. Пожилой человек с черной седоватой бородкой, одетый вполне по-городскому, лишь в мягкой широкой, войлочной шляпе, принятой здесь, сидит в тени акации с бумагой на коленях и с карандашом в руке. Я посмотрел на часы: был 9-ый час вечера. Тот поблагодарил, и я пошел дальше. Больше «от нечего делать», чем от жары, несмотря на поздний час и на предостережения своего доктора, я искупался. Ничего плохого, впрочем, не случилось, наоборот, бодрость и свежесть охватили меня. Иду обратно в самом жизнерадостном настроении.

Издали заметил, что незнакомец все еще сидит на старом месте, откинувшись на ствол дерева в усталой позе. Прохожу мимо. Снова возглас:

— Как же это, товарищ, ведь вам доктор запретил купаться!

Я так и застыл в изумлении: откуда он мог знать это?

Посмеивается.

Придя в себя наконец, спрашиваю:

— Откуда вы взяли, что мне запрещено купанье?

— Не лукавьте, — отвечает, — я знаю больше: когда вы сидели на берегу реки, вы думали, что вот, мол, хорошо бы

здесь в Криволучьи основать ячейку...

Что за наваждение!? Подошел ближе, всмотрелся — человек, как человек, только глаза острые, как шило: так и шпигуют, так и лезут внутрь.

Незнакомец опять рассмеялся, потом, резко так, стал серьезным.

— Вы, — говорит, — мне сразу понравились. У вас энергические глаза. Я вас могу научить читать мысли... Хотите?

Думаю — смеется, и молчу, только в свою очередь сверлю его взглядом. Отвечает, как бы на мой мысленный вопрос:

— Нет, я не смеюсь. — Поднялся и пригласил меня с собой. Дорогой — я окончательно овладел собой — разговорились.

Оказывается, он — известный ученый, Вепрев. Одно время я встречал его фамилию в ленинградских толстых журналах. Он работал тогда в психиатрических клиниках, сделал целый ряд весьма интересных открытий в области телепатии и вдруг куда-то исчез.

Узнав от меня, что я в трехмесячном отпуске, Вепрев сразу же — это была его своеобразная черта — предложил мне быть у него на этот срок помощником...

Я было сейчас же согласился, по потом замялся, вспомнив кое-что...

Тот, кинув на меня острый взгляд, неожиданно рассмеялся и опять поразил:

— Бойтесь, что я контр-революцией занимаюсь? Ха-ха-ха!.. Нет, вы не знаете меня: я слишком, слишком далек от подобных вещей...

Интересная у него наружность: хотя борода и усы с сильной проседью, а под войлочной шляпой кроется внушительная лысинка, он, несмотря на свой испещренный морщинами лоб, кажется совсем молодым. Движения гибки и эластичны, чувствуется в них изрядная сила. Лишь иногда, в минуты глубокого раздумья, что, впрочем, с ним часто случается, его глаза, вдруг почерневшие от расширенных зрачков, приобретают такое древнее выражение, что становится жутко... Будто с тобой рядом Лазарь, только что

восставший из мертвых, или тысячелетняя египетская мумия, от которой пахнет пылью пирамид...

А вне таких припадков он, как ребенок, весел и даже порой наивен.

Когда он так рассмеялся и разрушил тем мои, правда, невысказанные подозрения, я дал твердое согласие помогать ему в его изысканиях; хотя тут же оговорился, что вряд ли смогу быть чем полезен.

— Э...э... — успокаивающе протянул он, — мне нужна не ученость, а твердая воля и умение думать, т. е. концентрировать свои мысли на том или другом предмете... — И, не давая мне возразить, продолжал:

— Кроме того, мне нужен помощник, молодой, свободный от всяких предрассудков и суеверий, именно такой, как вы, так называемый, человек новой породы... Той породы, что появилась вместе с революцией!

Черт возьми! Не много ли он берет на себя, так быстро делая характеристики и аттестуя меня молниеносно с самой привлекательной стороны!

Прошли мы верст пять. Вепрев жил на своем хуторе в двухэтажном домике, обнесенном вместе с обширным двором и большими сараями высокой чугунной оградой. Открыл нам человек со странно-блестящими широкими глазами, которые показались мне чересчур вдумчивыми, именно такими, какие бывают у глухонемых; он, как, потом я узнал, действительно был глухонемой.

Вепрев провел меня в большую комнату, уставленную столами и странного вида приборами.

— Мой рабочий кабинет, — просто сказал он.

Хорош кабинет! Тут было оборудование для целой лаборатории средневекового алхимика: колбы, реторты и длинные стеклянные трубки, кажется, обязательные для всех ученых; длинные и широкие пружины из белого блестящего металла, натянутые в несколько рядов на чугунных рамах, целые проволочные заграждения, поднятые на блоках и привешенные к потолку; машины с тысячами колес и колесиков, пружин, рычагов и пр. ... куда сложнее часового механизма! Стеклянные или хрустальные шары и приз-

мы, установленные в известной системе на стеклянных же подставках; станки слесарные, токарные и самых разнообразных видов; аппараты с громадными граммофонными трубами из белого металла с натянутыми у широкого отверстия тонкими металлическими струнами; маленькие динамо-машины, двигатели и большие квадратные, черные снаружи и изнутри ящики, с приделанными к ним сверху и с боков громадными вогнутыми круглыми зеркалами, и пр. ... и пр. ...

— Садитесь, т. Андрей, — пригласил меня новый знакомый. — Для начала я вам покажу несколько простых опытов и объясню их сущность.

Я опустился в мягкое кресло у стола. Вепрев пошарил по стене рукой, — уже смеркалось — и, к моему великому изумлению, включил электрический свет... Это на хуторето!..

С ним положительно можно было не разговаривать: он угадывал каждую мысль!

— Не удивляйтесь, что не слышно стука динамо и не видно проводов от моего домика... Электричество мое, так сказать, краденое... Я его беру из воздуха... — И, опустившись в соседнее кресло с видом человека, собирающегося много говорить, сейчас же объяснил мне просто (будто то, что им изобретено, не заслуживало большого внимания), как он додумался до бесплатного освещения.

— Теперь, как вы знаете, далеко шагнуло дело беспроводного телеграфирования и даже телефонирования, т. е. передачи электрическими волнами по воздуху сообщений, сигналов и т. п. Радиоустановки, ведающие этим, с каждым днем на нашей планете все более и более увеличиваются в числе. По последним известиям — у меня есть свое радио — в одной Америке в настоящее время насчитывается до 3.500.000 любительских радиостанций, не считая мощных государственных и торговых. Сколько таких станций по всей земле, не знаю, но думаю, раза в 3-4 больше названной мной цифры.

Радио-станции буквально заполнили весь земной шар электрическими волнами... Дело в том, что расход радио-

энергии при передаче одного отправления всегда превосходит нужное для этого количество тока. Почему? Да потому, что волну с данным сообщением нужно, скажем, послать в город «А», а она расходится по всем направлениям и между прочим только попадает в город «А»: еще не изобрели способа передавать радио с наименьшим расходом энергии, т. е. по одному намеченному направлению. Благодаря этому, ежедневно, даже ежеминутно в воздух выбрасывается громадный излишек радио-поля, из которого я и беру небольшое количество для себя. Я ловлю блуждающие без цели волны своим радио-магнитом, особым, изобретенным мною магнитом, который притягивает к себе радио-волны. Потом я перевожу пленниц в аккумуляторы, а отсюда в электрические лампочки, в двигатели, станки и т. п. ...

У меня мелькнуло подозрение: не мешает ли ловля чужих радиоволн нормальной работе наших советских радиостановок?

Вепрев уткнулся в меня колючим взором; как крючком, вытащил мою мысль и улыбнулся:

— Друг мой, вы очень хорошо и быстро соображаете! Я горжусь тем, что избрал вас себе в помощники... Но будьте покойны: моя маленькая кража совершенно невинна. Мой маленький радио-магнит ловит самую незначительную часть того громадного излишка, который без толку блуждает вокруг земного шара, внутри его и даже, быть может, выходит за пределы атмосферы... Впрочем, отчасти вы правы: я имею возможность построить большой мощности радио-магнит, и он смог бы притянуть к себе все электрические волны; в таком случае работа радио-установок на земле должна бы мгновенно прекратиться...

Его улыбка мне не совсем понравилась. «Возьмем на заметку», подумал я и тут же в смущении сообразил, что Вепрев ведь читает чужие мысли, как вывески на улицах. Действительно, он опять уперся в мои глаза своими колючими щупальцами и беззастенчиво ковырялся ими в моем мозгу, как оператор в зияющей ране.

Я бешено захотел, чтобы эта мысль не была им прочитана. Я даже стиснул зубы до боли, сжался весь и холодным взглядом отразил нападение.

Вепрев отвел глаза и рассмеялся, довольно потирая руки:

— Э... да вы здорово сильны!.. Очень хорошо! Очень хорошо!.. — и засуетился почему-то в приятном возбуждении вокруг стола. Нашел черную шкатулочку, поставил предо мной.

— А ну-ка, попытайтесь поднять ее!

Я поднял.

— Что же, она совсем не тяжелая!

— Нет, нет, голубчик! — засмеялся Вепрев. — Не рукой я предлагаю поднять ее, а силой своего хотения, силой внимания, не физической, а психической силой!..

— Как же это?

— Очень просто. Смотрите на нее пристально и так же сильно хотите ее подъема, как вы хотели не дать мне прочесть вашу последнюю мысль, и не дали...

Я даже и пытаться не стал, потому что знал, что ничего не выйдет. Вепрев поставил шкатулку перед собой.

— Вот смотрите!..

Он сразу застыл, как изваяние, лицо посерело, — будто неживое, и только в глазах засверкала целиком сосредоточенная в них жизнь. Мне казалось, что из черных, загоревшихся огнем глаз на шкатулку тонкими лучами полился горячий поток. Я протер глаза... раз... другой... В чертовщину я не верил, значит — фокус: шкатулка отделилась от стола и медленно поднималась вверх, фиксируемая взглядом Вепрева... Он поднимал и опускал голову, не сводя с нее глаз, и та следовала, как привязанная, за движениями его головы...

— Оп-ля! — Вепрев закрыл на мгновение глаза, и шкатулка от потолка полетела вниз, ловко подхваченная его рукой у самого стола.

— Вот вам опыт номер первый!..

Сказать ему, что это не опыт, а какой-нибудь фокус, я не решался, поэтому сидел и бормотал невнятно:

Шкатулка стала медленно подниматься вверх.

— Как же это, черт возьми?

Мой дикий знакомый совсем развеселился, поерзал в кресле и опять плотно уселся.

— Видите, мой друг, объясняется опыт просто, и могу предсказать, вы сами быстро научитесь делать его. Начну я вот с чего: видели ли вы когда-нибудь ястреба, падающего с высоты на свою жертву?

— Очень часто.

— Вот. Замечали ли вы быстроту его молниеносного падения?

И не казалась ли вам эта быстрота несколько странной, противостоительственной, что ли?

Я припомнил и сообщил: действительно, ястреб летит вниз как-то слишком быстро, он ведь не такое же плотное существо, как, скажем, камень, а падает настоящим камнем.

Мой собеседник радостно подхватил:

— Вот именно, как камень!.. А теперь — убейте ястреба, свяжите его так, чтобы крылья и хвост не топорщились в воздухе и не ослабляли тем силу падения. Когда вы бросите его с той же высоты, с какой он срывается живым на свою жертву, вы заметите поразительное явление: мертвый ястреб падает гораздо медленней живого, а ведь они в весе одинаковы!.. Я измерил скорость падения и того, и другого. Оказалось, живой падает почти в $\frac{3}{4}$ раза быстрее мертвого... Чем это объясняется?..

Я не знал.

— Объясню. Когда ястреб замечает добычу из своего поднебесья, он сразу и целиком поглощается мыслью или инстинктом, как хотите, спуститься как можно скорее, чтобы добыча не скрылась и не ускользнула... Он срывается с неба, как метеор, и своим острым зрением как бы привязывает себя к жертве. Он весь проникается одним желанием, для него в это мгновение ничего больше не существует, кроме стремления падать быстрее и быстрее. Он, применяясь к нашим чувствам, концентрирует все свое внимание, всю свою психическую энергию на жертве и на скорости падения... Благодаря этому увеличивается значительно скорость его падения... Иначе говоря, живой ястреб своей

волей заставляет себя падать быстрее, вопреки всем природным законам, вопреки закону тяготения... Этого не может сделать мертвый... Понятно?

— Понятно-то понятно, но какую параллель провести между падением ястреба и подъемом шкатулки? Мне казалось, что заставить себя упасть — гораздо легче, чем подняться в воздух силой одного хотения. Ястреб ведь, даже если бы и не концентрировал своего внимания, а только сложил крылья, все равно упал бы, правда, может быть, с меньшей скоростью... Так что он своим хотением лишь ускорил падение... Шкатулка же спокойно стояла на столе и признаков жизни, также как и тенденции к подъему, не обнаруживала; наоборот, она своей тяжестью выявляла совсем противное.

— Да, вы правы, — отвечал Вепрев, ничуть не смутившись моими возражениями, — упасть гораздо легче, чем подняться или поднять что-нибудь. Но этот пример я привел лишь в качестве элементарного показателя, что может сделать концентрация внимания, или, что то же самое, концентрация психической энергии на определенной мысли, предмете и т. п. Теперь дам вам другой пример. Когда вы были мальчуганом, вам, — наверное, приходилось упражняться в метании в цель?

— Еще бы не приходилось! Я и теперь люблю это занятие!

— Даю голову на отсечение, вы замечательно меткий стрелок!

Вепрев угадал: редко кто мог сравняться со мной в этом виде спорта.

— Хорошо. Чувствовали ли вы, как, вместе с бросаемым камнем, вы, казалось, сами летите в ту же цель? Вы всем телом поддаетесь за ним и глазами как бы подталкиваете его к цели; вы всем своим существом направляете уже вылетевший из вашей руки камень!.. Временами, когда цель далека, вы даже побряхтываете — так сильно участвуете вы в полете камня... И когда он долетает до цели, вы сразу отдергиваетесь в противоположную сторону, будто камень только теперь оторвался от вас!..

Я не возражал: Вепрев удивительно верно передал переживания каждого метальщика.

— Это тоже концентрация внимания? — спросил я.

— Конечно, тов. Андрей! Хорошим метальщиком может быть лишь тот, кто обладает, во-первых, хорошим зрением, во-вторых, умеет хорошо фиксировать взглядом цель и бросаемый предмет, и, в третьих, самое главное, кто хорошо умеет концентрировать свое внимание, кто умеет сильно хотеть. Рассеянный, слабовольный и не способный сосредоточивать внимание никогда не научатся метко попадать в цель. Вы же как раз отвечаете трем первым требованиям, поэтому я и сказал, что у вас меткий взгляд и что вы — хороший метальщик... Это вам второй пример, вырванный из жизни, когда концентрированное внимание, сильное хотение способствуют полету и уже не вниз, как в примере с ястребом, а почти параллельно земле или даже вверх, если цель ваша находится высоко. Теперь дальше. Вы зацепили на столе стакан. Он падает, — подхватить его вы не успели, вам остается только провожать его взглядом до полу... И через этот взгляд вы как бы изливаете на него в миг вспыхнувшее у вас и охватившее вас целиком страстное желание поддержать падающий предмет или, по крайней мере, ослабить силу его падения... Вы даже сжимаетесь весь и приседаете, и у вас вырывается такой же нетерпеливый звук побряхтывания, как при метании камня... И очень часто вам удастся взглядом поддержать стакан, и он при ударе о пол не разбивается. Это такое частое явление, что вы даже не замечаете своей роли и удивляетесь, когда стакан остается целым... Но ведь вы сами своим упорным желанием ослабили скорость его падения и силу удара при встрече с полом!.. Вот вам три примера, демонстрирующих роль концентрированного внимания, роль настойчивого хотения... Теперь я перейду к тому, — как, упражняя свой взгляд, а через него внимание и хотение, можно достичь того опыта, что я вам перед этим показывал.

«Пожалуй, это не фокус», — уже передумал я; примеры Вепрева показались мне достаточно убедительными.

III

Он поднялся и опять зашарил рукой по стене недалеко от стола. В стене звякнула пружина, и вверх отскочила дверка, обнаруживая внутри объемистый шкаф.

— Вот... — начал он и остановился, обернувшись назад. Его лицо на мгновение исказилось гримаской досады. Я оглянулся; в полу сзади нас поднимался трап, и из подполья ловко выскочила маленькая чудная фигурка... Толстое туловище, миниатюрные ручки и ножки, совершенно лысая розовая головка с громадными на носу очками в золотой оправе.

Фигурка, запыхавшись, видимо, от возбуждения, — на что указывали два красных пятна на ее щеках, — бегом направилась к Вепреву с криком:

— Эврика! Эврика! Виноват... — вдруг заметила она меня. — Разрешите представиться: Шариков Наум Наумович, именинник 1-го декабря по старому стилю!.. — Все это он выпалил скороговоркой, шаркая передо мной ножкой.

«Должно быть, юдофоб и все прочее», — мелькнуло у меня. Вепрев счел нужным представить меня:

— Мой новый помощник, тов. Андрей, и ваш новый коллега.

— Очень приятно! Приятно!.. Вы — коммунист?

Еще один прозорливец! Но разве ему не все равно, кто я? Гм...

Вепрев прервал любопытного опять, как мне показалось, с гримаской недовольства и досады:

— Вы имеете что-нибудь сказать? Так говорите, а то мы заняты...

Вместо ответа Шариков схватил его под руку, а меня кивком пригласил следовать за собой.

— Я открыл!.. Я открыл!.. Пойдемте, покажу.... Ах, как хорошо!.. — он радовался, как малое дитя.

Мы втроем спустились по лестнице в подполье; оно было ярко освещено и своим устройством отвечало, должно быть, расположению дома. Первая комната, в которую мы

попали, находилась под «рабочим кабинетом» Вепрева и была большим залом, тоже сверху донизу уставленным самими разнообразными и незнакомыми мне аппаратами и машинами.

Шариков увлек нас к крайнему столу, на котором стоял большой стеклянный ящик; на дне его была насыпана земля, а посередине высился самый обыкновенный муравейник с проворными, большими рыжими муравьями. Шариков обратил наше внимание на присутствие здесь же других муравьев, черных и небольших.

Вепрев стоял неподвижно, почему-то насупившись, в то время как его помощник суетился без устали и, все более и более розовея, сыпал беспорядочно словами, вроде: Ах, как хорошо! Вот-то славно!.. Мое почтение!..

Он соединял и разъединял какие-то провода, тянувшиеся к игрушечному по размерам аппарату, благодаря своему рупору похожему на граммофон. Вдруг он прервал свой лепет и замер, я бы сказал, в смущении; на лице заиграла растерянная улыбка. Вепрев тоже заметил ее и объяснил, подыскивая слова:

— Видите ли... Это совершенно новая область, в которой мы работаем... И нам хотелось бы... весьма понятно... до известного времени сохранять, так сказать, в тайне все, что вы здесь увидите...

Шариков радостно закивал круглой головкой, как китайский болванчик. Вепрев продолжал:

— Наши научные изыскания касаются борьбы с вредителями в сельском хозяйстве — насекомыми... Мы работаем над изобретением аппарата, которым можно было бы уничтожить насекомых вредных, не причиняя в то же время смерти другим, зачастую полезным в сельском хозяйстве.

Его помощник совсем расплылся в нелепой улыбке, сияя золотыми зубами и в восторге бормоча:

— Так! Так! Вот это ловко — мое почтение! Славное дело! — и пустил аппаратик в ход, предварительно направив его рупором на стеклянный ящик.

Аппаратик зашипел, увеличивая тем свое сходство с граммофоном.

Вепрев, подумав, прибавил:

— Конечно, по понятным вам причинам, мы принуждены пока умалчивать о сущности действия наших приборов...

Шариков пинцетом достал из квадратной коробочки черного муравья, сунул его в дырочку аппарата и торжественно изрек, указывая на ящик:

— Теперь смотрите!..

Я внимательно смотрел, но ничего нового не увидал: муравьи по-прежнему суетились и сновали во всех направлениях. А Шариков, очки которого, должно быть, делали его зрение чрезвычайно зорким, вдруг завопил фальцетом:

— Смотрите! Смотрите!.. Они уже подошли! Вот это славно, мое почтение!..

Тут и я заметил: черные муравьи усеяли своими труппами дно ящика, рыжие же бесновались по-старому.

— Да! — произнес раздумчиво Вепрев. — Это изобретение — блестяще... Оно принесет человечеству громадную пользу!..

Из боковой двери появился глухонемой, тот, что открыл нам входную дверь, и знаками спросил о чем-то Вепрева. Получив такими же знаками ответ, он пошел обратно.

Показалось ли мне в результате моей чрезмерной настороженности, что глухонемой при входе и уходя кинул на меня исподтишка предостерегающий от чего-то взгляд? Или это было на самом деле?..

Кажется, я ошибся. Просто всем глухонемым свойственны такие многозначительные взгляды. Но должен отметить: в его присутствии я чувствовал странное беспокойство.

Шариков продолжал вертеться около аппарата, прочищая его тонкой и нежной кисточкой, и не переставая изрекал возбужденно преимущественно междометия. Удовлетворившись чисткой, — мое терпение уже грозило лопнуть, — он из другой, красной коробочки вытащил рыжего

муравья и протолкал его в дырочку аппарата. Тот снова зашипел. Мы уставились на муравейник.

Поразительно! Рыжие муравьи последовали примеру черных, и в муравейнике жизнь замерла.

Был уже первый час ночи, я поспешил распрощаться с учеными. Вепрев предложил мне прийти завтра утром: он начнет со мной заниматься, чтобы подготовить меня к работам.

Очень поздно. Но многое надо обдумать...

Ну, спать, спать! Передо мною без малого еще 3 месяца!..

IV

26 августа

В день два раза я хожу на хутор. Ушел в упражнения с головой. Эти упражнения, как говорит Аркадий Семенович, он же Вепрев, имеют целью научить смотреть. Так смотреть, чтобы все внимание, все мысли через взгляд сосредоточивались в фиксируемом предмете. Для упражнений он дает мне разных размеров стеклянные шарики. Я должен, не мигая, смотреть на один из них; по мере моих успехов шарик заменяется больший, — я должен так упорно фиксировать его глазами, чтобы в моем сознании ничего, кроме него, не существовало. Про этом я должен упорно через взгляд изливать свою волю, чтобы шарик сдвинулся с места.

С двумя первыми, небольшими, мне уже удалось достичь этого... Впрочем, может быть, моя воля тут не при чем? И в первом, и во втором случае движение шариков наблюдалось при появлении Аркадия Семеновича... Может быть, они покатались от сотрясения пола?.. Но, так или иначе, я продолжаю заниматься. Аркадий Семенович привел еще один интересный пример, демонстрирующий значение кон-

центрированного внимания, но уже не одного человека, а массы.

Он указал на факиров, которые на глазах многочисленной публики без всяких приспособлений поднимаются в воздух. Здесь факир должен только уметь использовать концентрированное внимание зрителей. Последние, привлеченные необыкновенными объявлениями или возгласами факира, охватываются однородной мыслью и ожиданием полета. Чем больше факир сумеет расположить к себе публику своими предварительными фокусами, тем больше она верит в него, тем полнее проникается ожиданием необыкновенного полета.

Тогда факир, напрягая свою волю и, как на прочные рычаги, опираясь на сосредоточенное внимание зрителей, преломляет отдельные потоки его в своем тренированном мозгу, действительно, как это подтверждают многочисленные свидетели, и поднимается вверх.

Каждый желающий проделать то же должен предварительно закалить свою волю. Факиры добиваются этого умерщвлениями плоти, которым они добровольно подвергают себя.

В результате, истязая себя, отказывая себе во всем, подвергаясь самым разнообразным экспериментам, большей частью нелепым и жестоким, они добиваются одного: их воля становится для них единственным законом, их воля закаляется, делается «нечеловеческой», сверхъестественной, почему и обладатель ее становится способным на сверхъестественные, с точки зрения невежественных масс, поступки.

— Путь факиров, путь тренировки в укрепления своей воли, неправилен, — говорит Аркадий Семенович. — Совсем не для чего умерщвлять свое тело, подвергать себя ранениям и уродствам, когда можно того же достичь более верными и полезными путями.

У нас в обыденной жизни так много всякого рода нелепостей, что лишь одним добровольным систематическим устранением их можно закалить, тренировать свою волю. Каждый человек тратит ежедневно массу времени и энергии совершенно непродуктивно: он делает тысячи ненуж-

ных и даже вредных поступков, он обязательно одержим какой-нибудь странностью, которая является его пороком или недостатком...

Аркадий Семенович привел следующие примеры: иной в сутки затрачивает на сон 9, 10 и даже больше часов, когда совершенно достаточно 6-7; время сверх этого пропадает зря; другой, наоборот, лишь в силу привычки, ложится слишком поздно и встает рано, чем истощает себя и свою энергию; третий просыпается ночью, чтобы выкурить папироску, без чего можно великолепно обойтись и что не только отнимает у сна необходимое время, но и вредит здоровью; четвертый весь день проводит с минимумом полезного и нужного, убивая время в праздном разговоре, курении, выпивках и т. п. неразумных поступках, поглощающих его энергию.

— Если бы мы захотели проследить от первого часа пробуждения и до нового сна проведенный вами день, — говорит Аркадий Семенович, — мы поразились бы: такая масса времени погибла без всякой пользы. Весьма широко распространено мнение, что жизнь человеческая слишком коротка и что на протяжении ее никак нельзя использовать всех тех возможностей, которые заложены в человеке щедрой природой: нельзя получить всеобъемлющего образования, нельзя поглотить ту массу знаний, которую дает современная эпоха, нельзя дополна выявить свои творческие силы... Неправда. Всего этого легко достичь, если не совершать неразумных и нелепых поступков, поглощающих массу времени и энергии и укорачивающих человеческую жизнь...

Таково мнение Аркадия Семеновича. Я с ним согласен, у меня самого пропасть всяких ненормальностей — с точки зрения целесообразности, продуктивности и сохранения здоровья. Я тоже не умею распределять своего времени и расходовать рационально энергию. Этому я буду учиться, и я уже начал бороться со своими нелепостями...

Тревожит меня своим присутствием глухонемой слуга Вепрева — Никодим. (Если это нелепость, постараюсь ее поскорей ликвидировать.) Даже не зная о том, что Никодим

вошел или находится близко от меня, я начинаю чувствовать странное и смутное беспокойство... Всегда оно оправдывается появлением Никодима.

Странно! Другие глухонемые никогда не производили на меня подобного действия, так что объяснить свое душевное состояние жалостью, которую я испытываю ко всем калечным людям, нельзя. Буду наблюдать за ним.

А вот, когда я вижу Аркадия Семеновича, во мне вспыхивает глубокая, почти родственная нежность... Он такой мягкий, предусмотрительный, вдумчивый, отзывчивый; он кажется мне отцом родным, может быть, потому, что я с трех лет не знал ни отца, ни матери.

Наум Наумович Шариков — именинник 1-го дек. по ст. стилю — что-то больше не показывается, сидит в своем подполье: очевидно, с головой ушел в научные изыскания, как я в свои стеклянные шарики.

V

30 августа

Ура!.. Ура!.. Сегодня я попробовал свои силы на шка-тулке, и она поднялась в воздух!.. Правда, совсем немного, и сейчас же упала, но все-таки поднялась!..

Присутствовавший при этом Аркадий Семенович добродушно, ласково похлопал меня по плечу и обещался через 3-4 дня поставить меня на работу. В чем она заключается — не говорит. Думаю, что она серьезна и интересна, когда требуется человек с сильной волей и хорошим вниманием, какими считает меня — по заслугам ли? — мой учитель. Занятия с шариками и последнее достижение сильно утомили мою нервную систему, и Аркадий Семенович советует на время прервать их, чтобы дать возможность мне отдохнуть. Он предложил 3-4 денька не посещать хутора.

— Гуляйте по воздуху, по солнцу, набирайтесь сил. Работа, ожидающая вас, требует всего вашего внимания и всей

энергии. — Таковы слова моего учителя.

Хорошо. Отдохну. А то с этими шариками я, кажется, потерял несколько шариков из собственной головы... У меня чуть ли не галлюцинации появились!

То вдруг замечаю, что глаза Аркадия Семеновича остаются на мне с выражением кровожадного зверя, собирающегося прыгнуть на жертву; в них чудится моментами какая-то роковая, свирепая сила, готовая обрушиться на меня и раздавить... Страхиваю с себя оцепенение, всматриваюсь — ничего подобного, даже стыдно становится: по-прежнему, добрый, нежный отеческий взгляд ласкает душу.

И я слышу порой, сидя в кабинете Вепрева, заглушенные стоны, исходящие из подземелья, и мороз пробегает по спине...

А появление глухонемого Никодима действует на меня так скверно, что я едва владею собой... Хочется крикнуть:

— В чем дело, товарищ? Что ты меня мучишь?

Но ведь он ничего не слышит!

Когда я замечаю его взор на себе, а он почему-то слишком часто задерживается на моей персоне, в его напряженности и неестественном блеске я читаю ужас и предостережение... В душе появляется сознание, что ты стоишь на краю пропасти и нет сил отойти от нее. Одно из двух: или он ненормален, или я свихнулся.

Аркадию Семеновичу я ничего не говорил про свои галлюцинации, но он, такой чуткий, сам заметил мое нервное расстройство, чем и объясняется его предложение: 3 дня не посещать хутора.

Что же! Отдыхать, так отдыхать!

VI

1-е сентября

Скучно без посещения хутора. До того скучно, что я сегодня, не зная, чем заполнить время, занялся исследова-

нием одного странного события, имевшего место у нас в деревне.

Просыпаюсь я обыкновенно рано, а в это утро проснулся еще раньше — от шума и гвалта на улице. Одеваюсь. Иду узнать.

Оказывается, ночью по всей деревне передохли все собаки!.. Вот так фунт!..

Теперь я занят выяснением: отравлены ли они, отравились ли сами, и если верно последнее, то чем? Может быть, наелись ядовитой травы? Но тогда гибель собак не носила бы такого массового, даже поголовного характера!.. Хотя бы пара какая-нибудь осталась в живых!..

Нет! Даже самая паршивая собачонка, вплоть до двухнедельного щенка, погибла...

Мор, что ли, какой? Чума собачья? Но тут я уже совсем не компетентен, надо спросить ветеринара.

Странно еще то, что крестьяне почему-то смерть собак ставят в связь с хутором: мол, Вепрев перетравил собак... Чудаки!.. Спрашивается: зачем ему понадобились такие эксперименты?.. В деревне вообще настроены не особенно дружелюбно к моему учителю.

Сходить или не сходить на хутор? Поговорить с Аркадием Семеновичем о событии?..

Нет, не стоит. Пережду еще день. А то еще получу замечание в слабоволии.

VII

2-е сентября

Положительно мор какой-то ходит по деревне! Теперь уже не собаки, а люди подверглись ему. Сегодня за ночь (опять за ночь!) умерло сразу пять человек и, по-видимому, одновременно. Умерли без всяких видимых причин совершенно здоровые люди. Легли спать, ни на что не жалуясь, а утром не встали.

Если бы они перед сном были вместе, можно было бы предположить отравление. Но в том-то и дело, что двое из них лишь к ночи вернулись из Полтавы и сейчас же разошлись по хатам; один — тоже к ночи — прибыл на подводе с соседнего хутора; остальные двое, правда, провели вечер вместе и даже ужинали вместе, но они в глаза не видали первых трех, как рассказывают их домочадцы.

Есть у них одно общее, что должно послужить руководящей нитью к открытию причины их смерти: все пятеро местные советские работники — двое коммунистов, остальные беспартийные, но сочувствующие советской власти.

Я знал их хорошо; это здешние исполкомцы.

Признаться, я не особенно горюю об их смерти; опять-таки потому, что слишком хорошо был знаком с ними. Все они, не исключая и двух партийных, не отличались, по-моему, большой искренностью и глубиной убеждений; проще: то были так называемые примазавшиеся к власти, а еще проще — кулаки, пролезшие в Исполком...

Жители — из сочувствующих коммунистам, а в особенности, батраки — тоже не жалеют погибших. Кулачье же, которое имело в умерших покровительство и поддержку, кричит и обвиняет оставшихся исполкомцев, к слову сказать, идейных и хороших коммунистов, в смерти пятерых.

Конечно, это — демагогия, придирка к удобному случаю, чтобы дискредитировать и забросать грязью ненавистных им честных партийцев. Оставшиеся — выше всяких подозрений.

Необходимо отыскать причину столь необыкновенного и избирательного мора. Недопустимо, чтобы пятно пресупления марало и честь, и авторитетность идейных работников.

Не дожидаясь приезда следственных властей, я занялся этим делом.

Мои хозяева, встревоженные ночной трагедией, запечалились о сынке, который до сих пор еще не приехал. От него, кроме того, нет никаких сведений из Полтавы, и жители, посещавшие город, ни разу не встречали там Петра. Родители почти уверены, что и он погиб...

Форменная чертовщина!.. Завтра пойду на хутор, поговорю обо всем с Аркадием Семеновичем.

VIII

3 сентября

Был на хуторе. Там живут и не знают ничего о наших злободневных событиях.

Аркадий Семенович посмеялся, когда я ему рассказал о гибели собак и о подозрениях крестьянства, и очень опечалился, услышав о смерти исполкомцев. Он обещал мне действительно заняться расследованием, говоря, что у него есть хорошие данные, именно, знание людей и умение читать чужие мысли.

Мой учитель был сильно взволнован деревенской трагедией, и, как меня ни подмывало, я не решился спросить его о предстоящей мне работе. Он тоже ни слова не упомянул о ней.

Немного поупражнявши свое зрение, я покинул хутор, уговорившись с Аркадием Семеновичем встретиться после обеда в деревне.

Но вот уже ночь, а его нет. Что такое с ним случилось?

IX

4 сентября.

Большим усилием воли заставил себя продолжать дневник... Пишу только для того, чтобы, если я погибну, осталась нить к открытию причины моей смерти. События наступили и развились катастрофически. Я уже не на Украине, а черт знает где!

Вчера едва успел заснуть, — лег очень поздно, все поджидая весточки с хутора — как был разбужен осторожным стуком в окно. Вскочил, смотрю и не верю своим глазам: за окном, приплюснув нос к стеклу, стоит глухонемой Никодим. Луна ярко освещает его лицо, и на нем большие блестящие глаза сверкают еще сильнее... Если бы глухонемой не стучал, я все равно проснулся бы от его взгляда.

Думая, что случилось что-нибудь на хуторе, я стал поспешно одеваться, открыв предварительно окно. Глухонемой одним прыжком очутился в комнате... Это меня удивило: я схватился за револьвер. Тот остановил меня укоризненным взглядом и знаками попросил карандаш и лист бумаги. Он так сильно дрожал, что несколько минут не мог писать. Я, наблюдая за ним, быстро одевался. Наконец он овладел собой, подошел к подоконнику, залитому лунным светом, и крупными буквами что-то написал. Я прочитал и вздрогнул: не сумасшедший ли?

На бумаге стояло:

— Вепрев и Шариков — ярые контр-революционеры.

— Докажите! — гневно набросал я в ответ.

Глухонемой помотал отрицательно головой.

— Скоро увидите сами. — И быстро забегал карандашом по бумаге. Я, склонившись через его плечо, читал, все более и более теряясь в догадках: сумасшедший или здоровый человек передо мной?

Бумага немо гласила:

«Я — студент Ленинградского университета. Естественник. Шесть месяцев тому назад у меня были и слух, и речь. Много работал вместе с Вепревым и в конце концов стал догадываться о его чудовищных планах. Хотел уйти, но было уже поздно. Вепрев, благодаря своей способности читать мысли, узнал о моем намерении раньше, чем оно сложилось у меня окончательно. Посредством гипноза он лишил меня движения и ежедневно производил надо мной особые психические опыты, в результате которых у меня исчез слух, а потом и способность говорить. Но он добивался еще более зверского: хотел, чтобы я потерял память. Последнее ему не удалось, хотя он, к счастью моему, убежден в

противном... Вы можете вернуть меня в нормальное состояние, если захотите: у вас сильная на редкость воля и есть большие способности к внушению...»

— Как же это сделать? — спросил я его, начиная в свою очередь трястись нервной мелкой дрожью и все еще не доверяя ему, как сумасшедшему или как мистификатору и провокатору.

«...Вы должны сделать это ради спасения революции, — продолжала бесстрастная бумага. — Фиксируйте мои глаза взглядом, как вы фиксировали стеклянные шарики, и влейте в меня свою железную волю. Я верю в то, что вы снимете с меня дьявольский запрет говорить и слышать... Моя вера поможет вам... Тогда мы сможем помешать Вепреву в осуществлении его кровавых замыслов...»

Потрясенный всем, что мне сообщила бумага, и желая немедленно же добиться от глухонемого доказательств написанного им, я резко повернул его лицо к окну, судорожно стиснул его плечи и впился взглядом в блестящие, умоляющие глаза.

Я хотел только одного, чтобы он заговорил и мог слышать. Я напряг всю свою энергию, и от напряжения у меня подкашивались ноги...

Если бы кто видел всю эту необычайную безмолвную сцену, он подумал бы, что мы только что бежали из психиатрической лечебницы...

Глаза глухонемого теперь выражали твердую, спокойную надежду, и я почувствовал вдруг прилив необъятной мощи и непоколебимой уверенности в себе.

Если он не глухонемой от рождения, он должен был заговорить; я чувствовал это...

Я ждал: вот зашевелиятся губы и слетит слово...

Я ничего не видел, кроме этих больших черных глаз, с безгранично верой устремленных на меня, и ничего не чувствовал, кроме своего непреклонного желания, граничившего с деспотическим приказанием: ты должен слышать и говорить!..

...Что-то дрогнуло в неподвижных глазах, будто растаяла внезапно громадная ледяная глыба... Радость и испуг поймал я в них... Я понял значение перемены.

Зашумело в голове, туман застлал глаза, и я очнулся, слабый и в поту, когда глухонемой подносил мне стакан воды и говорил:

— Выпейте, товарищ Андрей...

Не сон ли это?.. Не обманчивое ли видение расстроенного мозга?..

Х

Теперь глухонемой торопил меня:

— Пойдемте! Пойдемте скорее на хутор, я вам докажу... Надо спешить, а то они узнают о моем бегстве и могут скрыться...

Некогда было думать. Страстный и искренний шепот Никодима захватил меня. Мы отправились.

Я все еще не мог поверить невероятным сообщениям: мой учитель — контр-революционер?! Он, который, казалось, дышал и жил только одним — своим умом, своим творчеством облегчить существование многострадального человечества... Он, этот идеальный, по моему представлению, человек, и вдруг — кровожадный и чудовищный контр-революционер!.. Нет! Нет! Никодим заблуждается!.. Я сейчас увижу Вепрева, и он своей кроткой, душевной улыбкой, своим мягким, полным любви голосом развеет возводимые на него обвинения... Он разъяснит все...

Но болезнь и исцеление Никодима — как объяснить? Но присутствие загадочного помощника — Наума Наумовича — именинника 1-го дек. по ст. стилю? Этот, вне всякого сомнения, не принадлежит к разряду сочувствующих революции... Но как они уживаются вместе?... И тысячи других обстоятельств, ранее не замечаемых мною, теперь пришли на память, смущая мою веру в учителя.

Дорогой Никодим говорил возбужденно, деревянным, без интонаций, голосом от долгого молчаливства и задыхаясь. Чем больше он говорил, тем меньше оставалось во мне уверенности в учителе.

— Вы присутствовали на демонстрации опыта с муравьями? — начал Никодим. — Знаете смысл этого изобретения?..

— Конечно, знаю, — отвечал я и рассказал ему о роли изобретения в сельском хозяйстве.

Никодим жутко рассмеялся, а у меня по коже пробежали мурашки сверху донизу.

— Ох, этот Вепрев! Гениальная башка!.. Ведь они чуть было тогда не вляпались из-за наивности Шарикова!.. Правда, в то время я не мог слышать, но я понял, что положение спас Вепрев... Теперь я узнал от вас: он удачным сравнением поправил оплошность своего товарища... Этот муравьиный аппаратик — прообраз, модель адской «психо-машины», предназначенной для истребления коммунистов...

У меня зародились смутные соображения и догадки. Никодим продолжал:

— Они ее уже построили. Психо-машина напоминает собой вепревский радио-магнит, благодаря которому освещается хутор и который, будучи поставлен на максимум, может поглотить всю радио-энергию мира... Я вам расскажу про сущность этого изобретения...

— Не надо, — прервал я. — Знаю... — И сообразил, что Вепрев меня надул в первый же день нашего знакомства, скрыв от меня истинное значение своего радио-магнита.

— Знаете?.. — Никодим метнул удивленный взор, но сейчас же продолжал. — Знаете? Пускай так, дело не меняется, если даже сам Вепрев посвятил вас в свое открытие...

Чтобы не вводить в заблуждение своего собеседника, я поведал ему, насколько меня ознакомил Вепрев с действием радио-магнита и как ловко он рассеял мои основательные подозрения...

— Это он умеет, — успокоил Никодим, — другого такого авантюриста не скоро сыщешь на земле... Но разрешите, я доскажу, а то скоро и хутор... Его психо-машина, задуман-

ная им и осуществленная Шариковым, благодаря своему могучему психо-магниту может поглощать психическую энергию двуногих обитателей земли. Поставленная же на максимум и заряженная известным образом, она может уничтожить тот или другой класс или сословие человечества, истощая психо-магнитом мозг в несколько секунд... Вепрев, кроме того, использовал ее для своего передвижения... Но об этом после... Впрочем, для ясности придется сказать сейчас. Дело в том, что незаряженная никем психо-машина поглощает только энергию, которая производится мозговой субстанцией человечества добровольно, в повседневной жизни... Такая — она не опасна, как не опасен и радио-магнит, когда он ловит только излишки радио-волн... Вепрев построил две одинаковых машины; одну он хочет использовать для своего передвижения по воздуху — подобные опыты уже производились и удачно, другую же в качестве орудия — истребления нетерпимых им органически большевиков... Он фанатично ненавидит их, но, повторяю, великолепно умеет владеть собой... Вы слышали о смерти собак? Недавно было? Ага! Это был первый опыт... Вепрев исходил из положения, что человек и собака — животные одного и того же происхождения, т. е. млекопитающие... Он зарядил машину собакой... не понимаете как? Очень просто: у собаки вынимается мозг, приводится химическим путем в состояние эмульсии и вливается в бак психо-машины... Вот... Заряженная таким образом и пущенная, надо сказать, весьма слабо машина все же истребила всех собак окрестных деревень, радиусом от хутора, как от центра в 6-7 верст... Вы думаете, что собаки погибли только в вашей деревне? Ошибаетесь. Я знаю наверное. Вепрев показывал своему другу Шарикову карту здешней местности и отмечал карандашом сферу действия психо-машины... 5-6 верст кругом, а в центре — наш хутор. Дальше... Вы, конечно, знаете о таинственной смерти советских работников типа кулаков, типа примазавшихся к советской власти?..

Это второй опыт. Машина была заряжена Петром, сыном ваших хозяев...

У меня потемнело в глазах, и я невольно остановился...

— Не упрекайте меня, — сорвавшимся голосом произнес Никодим, — я не мог... психически не мог, а поэтому и физически, помешать этому злодеянию... Я вам не рассказывал, что силой своих гипнотических чар Вепрев запретил мне оставлять хутор... Только сегодня ночью под влиянием сильного нервного потрясения — я нашел труп Петра — смог я сбросить с себя психические оковы и тотчас же прибежал к вам...

— Продолжайте, — сказал я. Логика событий перевернула меня, я нервно сжимал револьвер.

— Вот... Заряженная Петром, машина истребила всех советских работников и даже коммунистов типа Петра... Видите, как чудовищно-избирательно действует она: Петр не отличался искренностью и глубиной своих убеждений...

Никодим говорил правду. Хотя я давно не видал Петра, но от местных партийных работников слышал про неустойчивость коммунистических воззрений своего друга, про его почти кулацкую идеологию.

— Ну, ну. Говорите дальше!..

— Что же дальше? Машина хорошо действует... Следующая очередь — зарядить ее, — была ваша.... Вы хороший коммунист, по отзывам самого Вепрева, а он-то умеет узнавать людей, и вами собирались истребить всех коммунистов не только Союзной федерации, но и всего мира.

Я чуть не задохнулся от бешенства и гнева и бросился, перескакивая кочки и колдобины, не помня себя, к недалекому уже хутору. Никодим еле поспевал за мной.

Мы приблизились к хутору не с фасада, а рощицей — к его пристройкам.

— Не прикасайтесь к изгороди, — предупредил Никодим, — она наэлектризована, и каждое прикосновение к ней передается на приемник, в кабинет Вепрева.

— Не прикасаться?.. Но как тогда попасть внутрь?..

Никодим разрешил мое недоумение. Он отвалил большой плоский камень в одном месте под самой изгородью. Открылся узкий черный ход. Мы спрыгнули туда. Ход кон-

чался по другую сторону ограды. Никодим вытянул руки кверху и отбросил другой такой же камень.

Стали приближаться к дому. Кругом его тянулись укрепленные на металлических брусках параллельные земле и друг другу ряды проволок.

Я не видал их раньше. Никодим объяснил шепотом:

— Сегодня вечером я сам должен был поставить их по приказанию Вепрева. Сейчас мы узнаем, открыто ли мое бегство... Через проволоки пропущен огромной силы электрический ток. Когда я покидал хутор, мне пришлось перерезать проволоку в одном месте.

Обошли кругом. Целость проволочных заграждений нигде не была нарушена. Мой спутник задрожал:

— Значит, они знают и приготовились... Надо быть осторожней!

Он вынул из кармана ножницы со стеклянными ручками и с отчаянным видом быстрым ударом рассек в одном месте проволоку. Одновременно из дома долетел заглушенный звон колокола.

— Черти! Еще придумали! — злобно уронил Никодим.

— Ну, все равно, идем...

Я вынул револьвер и за Никодимом нырнул через образовавшееся в проволочных рядах отверстие.

В этот миг до нас донесся лязг отпираемых дверей...

Скорей!.. Скорей!.. Понеслись ураганом...

Вот и крыльцо! Мы только что поравнялись с ним, как оттуда раз за разом вспыхнуло пламя и раздалось несколько выстрелов. Одна пуля скользнула у меня по голове, оставив кровавый след. Крыльцо было затенено, и я, ориентируясь лишь на пламя, разрядил револьвер... С крыльца сорвалась темная сигарообразная масса, блеснув на мгновение при луне, и с свистом исчезла в воздухе, как растаяла. Но свирепый порыв ветра указал нам, что она не растаяла, а улетела.

— Скорей! Скорее! Еще не все потеряно! — задыхаясь, торопил меня Никодим, что было совершенно лишним, так как я мчался бурей впереди его.

*Я разрядил револьвер. С крыльца сорвалась темная
сигарообразная масса.*

— Они не успели захватить другую машину... Я знаю: должна быть вторая «сигара»!..

Через широко открытые двери ворвались в дом. По знакомым переходам проникли в кабинет. Он был ярко освещен. Разбросанные вещи и беспорядок указывали на большую спешность в бегстве наших противников. Через открытый в полу люк торчала наполовину втянутая вторая летательная машина с оболочкой из блестящего белого металла. Попробовали потянуть ее — не удастся: руки скользят, ухватиться не за что. Никодим бросил ее и куда-то скрылся.

Через минуту слышу из подполья его голос:

— Тащите! — Он толкал машину снизу.

3-4 секунды — и она стояла посреди кабинета. Никодим нашел тайную кнопку, отбросилась дверка. Проклятие!... Внутри лежал труп Петра. Черепная коробка была вскрыта и зияла пустотой...

Если до этого у меня была некоторая нерешительность, теперь она исчезла.

Вынули труп, закрыли дверку и притащили машину на крыльцо, Никодим первым вошел в нее, я за ним. Щелкнул выключатель, осветив внутренность «сигары». Никодим бросился к носу ее.

— Все на месте! — радостно крикнул он. — И аккумуляторы даже заряжены психо-энергией!...

От аккумуляторов — четырехугольных ящиков с алюминиевой обшивкой, расположенных в ряд по обоим бокам машины, тянулись толстые провода к аппарату, напоминающему собой «муравьиный» аппаратик, только этот был размерами с добрый граммофон. Рупор из белого металла, увеличивающий его сходство с граммофоном, открывался широким своим отверстием над креслом, привинченным к полу в самом носу машины.

Никодим повернул рычаг в аппарате с рупором — раздалось громкое шипение — и достал из кармана носовой платок, завернутый в клеенку:

— Платок Вепрева, сегодня вечером стянул! — улыбнулся он и засунул его в четырехугольный стеклянный ящи-

чек, имевший внутри стеклянный же шар, пустой в середине и с очень подвижной стрелкой.

— Психо-компас, — пояснил Никодим. — Номенклатура Вепрева.

Он сел в кресло. Стрелка компаса, как только рядом с ней очутился платок, сразу оживилась, беспокойно забегала и вдруг, дрожа, остановилась в направлении, параллельном земле на север.

— Они недалеко, — торопливо пояснил мой товарищ. — Если бы они успели бежать на другую сторону земли, стрелка стала бы торчмя и не дрожала б...

Аппарат зашипел сильнее... Машина рванулась так, что я свалился с ног и, не успев подняться, снова покатился, но уже в противоположную сторону.

— Стоп, — проговорил Никодим, почему-то побледневший. Стрелка яростно металась и указывала прямо вниз. — Они здесь! — Он открыл в полу небольшое оконце, я заглянул туда: внизу расстился залитый электричеством город.

Никодим снова опустился в кресло: машина заскользила вниз. Стрелка то и дело меняла направление, но в пределах небольших градусов. Мы приближались к крыше высокого дома, на который теперь упорно указывал компас.

XI

— Как быть? — растерянно кинул Никодим, — они в этом доме.

— Где мы?

— Не знаю... Верст 200 отмахали...

— Да?! Так быстро! — не поверил я.

— С быстротой мысли, — слабо улыбнулся мой друг. — Машина работает психической энергией мира, но эта энергия сначала через рупор проходит в мой мозг, я ее концентрирую на мысли о преследовании, и тогда лишь мы

двигаемся... Направление тоже даю я — по психо-компасу.

— Но такая быстрота невозможна, — возразил я, вспомнив физику, — машина от трения с воздухом должна бы расплавиться!...

— Пустяки! Ее оболочка сделана из совершенно ненагревающегося металла... Изобретение Шарикова...

Наш разговор резко оборвался: мимо что-то пронеслось с ревом и свистом: стрелка запрыгала и заволновалась, как живая, указывая новое направление. Никодим кинулся к креслу, бросив мне:

— Станьте сзади под рупор, я слишком слаб... И настойчиво думайте о движении вслед за беглецами.

Я ухватился за спинку кресла и, только подумав о преследовании, чуть было не полетел в противоположный угол: так стремительно мы понеслись.

Никодим открыл окно перед собой — оно было застеклено — и теперь напряженно всматривался в мерцающую темь.

Под влиянием ли проходящей через меня мировой психо-энергии, или вследствие вообще нервного состояния, мне ярко представилась картина внутреннего расположения машины наших противников. Вепрев с искаженным лицом сидел в кресле, Шариков стоял у заднего окна с растерянной и глупой физиономией.

Никодим торжествующе крикнул:

— Вот они!...

В окне блеснула белая масса.

Воображение мне дало следующую картину: мой бывший учитель с прыгающей челюстью, обернувшись назад, позвал своего помощника, который тряся, как осиновый лист; должно быть, увидел нас. После двух-трех слов Вепрева он стал сзади него, подобно мне, держась за спинку кресла.

Никодим прохрипел — говорить он уже не мог, и я боялся, что он снова потеряет голос:

— Ушли, черти!...

Началась бешеная погоня. Мы несколько раз пронеслись кругом земного шара, попадая то в свет, то в мрак.

Никодим — потный, разбитый — то хрипел в отчаянно-радостном возбуждении, когда мы настигали противника, то падал духом и уныло скулил, когда тот уходил. Я же чувствовал в себе твердую бодрость и уверенность, что злодеям не уйти. Машина, по всей вероятности, двигалась только одним моим мозгом.

Внутренним зрением я видел, что беглецы оба были истощены не менее Никодима. Это вливало в меня новые силы.

Совершили еще несколько кругосветных рейсов — с переменным успехом.

Я уже начал уставать... Постепенно ослабевала воля, рассеивалось внимание, тупело воображение. Мы больше не видели через окно белой оболочки. И я не мог представить себе, что делается под ней.

Машина вдруг замедлила ход, что сейчас же мы констатировали по аппарату, измеряющему скорость. Никодим волновался и чуть не плакал, посылая проклятие тем, «кто изобрел дурацкую сигару»...

Стрелка резко повернулась назад.

— Они сзади нас! — завопил мой товарищ.

Машина стала опускаться помимо моей воли. Стрелка вновь скакнула вперед, значит, противник по инерции продолжал носиться вокруг земли.

В окно упал солнечный свет, ровный и не мигающий вследствие постоянной смены мраком, как это было раньше. Дно машины мягко зашуршало о песок.

Никодим бросился к психометру — аппарату, показывающему степень мощности аккумуляторов.

— Вся энергия вышла!... Теперь нам нужно часов 12, чтобы зарядиться!...

Он открыл дверь и выбежал вон.

Я, шатаясь, отошел от кресла. Не было смысла стоять теперь: машина не двигалась...

Как убитый, упал я на пол и погрузился в мертвый сон.

ХП

3 сентября

Когда мы упали на песчаную степь, часы показывали глубокую ночь, но солнце светило, как ранним утром. Проснулся я ровно через шесть часов. Мой товарищ, положив под голову сапоги и куртку, еще спал. Он лег значительно позднее меня.

Я вышел из машины; удушливый, знойный воздух сжал меня со всех сторон. Наша «сигара» лежала среди небольшого оазиса, состоящего из нескольких высоких, широколистных пальм.

— Вот куда нас занесло! — подумал я не без удовольствия, хотя тотчас же нахмурился, вспомнив ночную погоню.

Наверху машины стоял граммофоноподобный аппарат, слабо шипя и захлебываясь. Психометр показывал уже $\frac{3}{4}$ наполнения; очевидно, Никодим ошибся в расчетах. Оглядевшись кругом и ничего не видя, кроме безбрежной песчаной степи, раскаленной и дышащей огнем, я вернулся в машину, где все-таки было прохладней, и принялся за внимательный осмотр ее. Она имела небольшие размеры: 6-7 аршин в длину, суживаясь к концам, 3 аршина посередине в самом широком месте и столько же в высоту.

Кроме двух рядов аккумуляторов, бросались в глаза прикрепленные к стенам с обеих сторон по три — на высоте человеческого роста — стеклянные сосуды, наполненные мутной жидкостью. На поверхности ее выскакивали и лопались пузырьки воздуха. Я сообразил, что это приборы, вырабатывающие кислород, без которого мы давно бы задохнулись во время полета или сна. В задней части машины стоял небольшой столик и два стула, все привинченное к полу. Около двери налево и напротив нее помещались два шкапа. Я искал приборов для поглощения испорченного воздуха, углекислоты, но не нашел. (Если не забуду, спрошу Никодима — они должны быть: ведь вентиляции у

нас не существовало).

Так как меня мучил голод, мои поиски обратились к обнаружению съестных припасов. Открыв первый шкаф, я нашел в нем два карабина, патроны, охотничьи ножи и прочие несъедобные вещи. В другом оказались консервы, галеты, кухонная посуда и электрическая печка. Набрав воды из родника в оазисе, я приготовил завтрак, разбудил Никодима, и мы с большим аппетитом принялись за уничтожение вепревских запасов.

Вспомнив о психо-компасе, я оставил завтрак. Острый конец стрелки упирался в небо... Посмотрел в окно и с внезапно упавшим сердцем сообразил... Стрелка следовала за движением бледной луны...

Я не замедлил сообщить о печальном положении дел Никодиму. Тот угрюмо, но все-таки довольно беспечно отвечал, прожевывая жесткие консервы:

— Черт с ними!.. Я заметил еще тогда, когда не ложился спать, что наши «приятели» дунули на луну... Они думают: мы за ними не последуем... ошибаются!.. Ничего страшного и невозможного я не вижу...

— Они же могут и с луны удрать, узнав о нашем приближении! — возразил я.

— Небось, не узнают!.. Имею большие основания думать, что не узнают... Ваших вещей нет у Вепрева?..

Я подумал:

— Кажется, нет.

— Ну, и своих я им не оставил: все зарыл в земле, чего не мог захватить с собой...

— Что же из того? На что им наши вещи?

— На что? — лукаво улыбнулся мой друг, — а платок-то вепревский вы забыли?... Я оказался умнее самого Вепрева!..

— Ах, да! — вспомнил я о платке, засунутом Никодимом в психо-компас, благодаря чему он всегда безошибочно указывал направление местопребывания хозяина платка.

— То-то вот! — поучительно продолжал Никодим. — У наших противников, я больше, чем уверен, психо-компас не работает, а если работает, то лишь тогда, когда мы вплот-

ную приближаемся к ним. В этом наше большое преимущество... А на луне они все равно долго пробыть не могут: нужно заряжать аккумуляторы... Чем же, позвольте вас спросить, когда мы знаем, что там психическая жизнь, да и вообще всякая отсутствует?.. Не думаю, чтобы психо-энергия земли доходила туда... Впрочем, не буду говорить об этом с большой уверенностью... На луне я еще не был. А мысль куда только не способна пролезть! Значит, и психическая энергия способна на то же... Поживем, увидим. —

Так размышлял вслух мой необыкновенный товарищ, с ожесточением сокрушая крепкими зубами черствые галеты.

Мною опять овладело нетерпение. Я не мог сидеть спокойно, не зная о поведении противника. Боязнь, что он, пользуясь своим пока неприступным положением, готовит нам и земле какой-нибудь сюрприз, заставила меня не особенно вежливо прервать рассуждение Никодима.

Мы вместе вышли наружу, чтобы взглянуть на психометр. Конечно, мой друг ошибся: психометр показывал полный заряд.

Никодим был сконфужен таким обстоятельством и пытался пуститься в объяснения, но я не дал ему времени и лихорадочно стал собираться в далекую дорогу. Мы сняли рупорный аппарат с машины, внесли его внутрь и привинтили к полу. Потом закрыли металлическими ставнями все окна (предосторожность совсем не лишняя: прошлый раз, делая кругосветные рейсы с открытыми окнами, мы не заметили, как стекло сильно накалилось, оплыло и даже вогнулось внутрь машины... Еще бы немного — и оно могло лопнуть!).

Никодим все еще не мог примириться со своей ошибкой и стоял, склонившись над психометром, в глубокой задумчивости.

— Держитесь! — крикнул я ему, садясь в кресло. Я решил обойтись без него.

Уже имея некоторый опыт в управлении, я не пустил машину сразу на полный ход, а постепенно заставил ее развить максимальную скорость.

Никодим, видя мои быстрые успехи, ни препятствовал мне в моей самостоятельности и остался следить за инструментами, показывающими скорость и высоту.

— Можно открыть окна, — сказал он мне через 2-3 минуты, — мы на расстоянии 300 верст над землей, ее атмосфера кончилась.

ХІІІ

Теперь машина находилась в безвоздушном пространстве и никакого трения между оболочкой и стеклами окон, с одной стороны, и внешней средой, с другой, не происходило.

Я пустил полный ход — предстояло пройти около 360.000 верст...

Через переднее окно ослепительно блеснула луна, чудовищно увеличивающаяся в размерах с каждым мгновением.

— Стоп! — крикнул Никодим, — будем спускаться.

— Что?!..

Расстояние от земли до луны мы прошли в несколько минут...

Машина вдруг перевернулась. Там, где находился ее верх, очутился пол: это действовало притяжение луны. Я вылетел из кресла и больно ударился головой о потолок. Никодим, принявший меры заранее, отделался легче.

Через окно в полу открылась красивая лунная панорама, на которую, впрочем, я взглянул лишь мельком, всецело погруженный в спуск. Ни единого облачка не преграждало дороги. Каждый предмет внизу вырисовывался ярко, до малейших деталей.

Через верхнее окно блистала отраженным солнечным светом земля, раз в 14 превышавшая размерами луну, когда мы ее видели с земли. Солнце одинаково освещало и ту и другую планету.

Руководствуясь направлением стрелки, мы неслись над лунной в 8-и верстах от ее поверхности. Ниже не представ-

лялось возможным спуститься, во-первых, потому, что почва, нагретая солнцем, дышала нестерпимым зноем и, во-вторых, то и дело попадались громадные, сверкающие, как хрусталь, горы, преграждавшие нам путь: даже и теперь изредка приходилось огибать их.

Мой экспансивный товарищ, забыв о противнике, лежал на полу и восторгался красотами лунного ландшафта, делясь со мной впечатлением.

Я не так слушал его, как следил за стрелкой и за дорогой... И все диковинные лунные картины проходили мимо моего внимания.

Стрелка, до этого охваченная безумной пляской, сразу остановилась, склонившись вниз и дрожа, когда мы подлетали к краю громадного кратера. О нем мне доложил мой товарищ.

Страшная усталость, до боли в затылке, снова начала сковывать мое мышление, как и в прошлый раз при спуске на степь. С трудом отозвался я на вопрос Никодима, будем ли мы спускаться в кратер.

— Да. Стрелка указывает туда...

Мой друг, пересиливая адскую жару, вливавшуюся через окно, продолжал смотреть вниз, чтобы коррегировать спуск.

Через несколько секунд он громко вскрикнул, отскочив от своего наблюдательного пункта, и закрыл все окна, так как уже не стало возможности терпеть зной.

— Там машина Вепрева!

Я ничего не отвечал: все труднее и труднее удавалось концентрировать внимание.

Будто гора с плеч свалилась, когда дно «сигары» закрипело о что-то твердое.

Оставив кресло, я опрометью бросился к двери, желая сейчас же разделаться с противником.

Никодим с встревоженным лицом остановил меня.

— Подождите, товарищ Андрей!.. Некуда спешить... Враг рядом с нами, но он мертв, и его машина разбита...

Я не понимал, чего ждать. Никодим соображал.

— Отчего они могли потерпеть аварию? Сказались ли какие-нибудь особенности лунной природы, или в самой

машине обнаружили недостатки?..

Выжидая решения своего более образованного спутника, я совершенно случайно взглянул на психометр... и понял все: и свою усталость, и аварию неприятельского аппарата... Психометр стоял на нуле!

Тут и Никодим хлопнул себя по лбу:

— Черт дери! Ведь и мы могли разбиться! Очевидно, расход психо-энергии в безвоздушном пространстве чрезвычайно интенсивен. Надо было принять это во внимание! Только благодаря вашему тренированному мозгу нам удалось благополучно спуститься.

Хорошо «благополучно»! Голова моя трещала, как от утара...

Чтобы не попасть в неприятное положение из-за незнакомства нашего с местными условиями, открыли боковое окно. Брызнул отраженный стенами кратера солнечный свет, зной ударил в лицо. В четырех шагах от нас лежала совершенно расплюснутая летательная машина противника: сквозь лопнувшие швы ее просочилась и расплылась вокруг запекаясь кровь.

— Мир праху твоему, дорогой учитель! — иронически скорбно произнес Никодим и выкинул пируэт, от чего неожиданно ударился о потолок. Тела наши неожиданно сделались необычно легкими на новой планете, так что приходилось сдерживать и соразмерять мускульные движения с своим «лунным» весом.

Я не удовлетворился видом издалека, мне хотелось проверить, оба ли приятеля погибли.

Никодим медлил выходить, боясь, что снаружи мало воздуха для дыхания.

— Так или иначе, сидеть здесь бессмысленно, — сказал я и стал осторожно открывать дверь. Ничего особенного не случилось: но из того, как легко поддалась дверь наружу, явствовало, что давление воздуха на луне значительно слабей, чем в машине...

В первую минуту нас ослепило — до того резко сияли стены кратера. Немного привыкнув к свету и к легкости своего веса, мы подошли к разбитому аппарату и вскоре

То, что мы приняли за кровь, была жидкость из аккумуляторов.

убедились, что под его развалинами... не оказалось ни Вепрева, ни Шарикова!

То, что мы приняли за кровь, была жидкость, вытекшая из аккумуляторов!..

XIV

Никодим рвал на себе волосы, изрыгая проклятия. Я в тяжелом раздумьи бродил по черной раскаленной почве дна кратера. Создалась обстановка, от которой нетрудно было потерять всякую бодрость!

До этого занятый мыслью о преследовании, а затем подбодряемый уверенностью в гибели врага, я мало уделял внимания тому отчаянному положению, в которое мы попали: разрядившаяся машина уже не могла нас перенести через межпланетное пространство обратно на землю; противник, тоже потерявший свой аппарат, обладал преимуществом, заключавшимся в его знаниях, благодаря которым он мог найти выход и улететь с луны для осуществления своего чудовищного по зверству плана.

В раздумьи прохаживался я между двумя летательными машинами, одинаково теперь бесполезными. Никодим, успокоясь, исследовал стены кратера.

Кругом, на расстоянии радиуса сажен в 200 от нас, тянулись вверх версты на две ровные, как отшлифованные, гранитные стены. Солнце ослепительное и знойное полыхало прямо над головой. Почва под ногами с каждой минутой накалялась сильнее и сильнее. Стоять на одном месте было невозможно: подметки сапог грозили загореться. Мы обливались потом, еле дыша в душливо-знойном воздухе. Облегчением служила лишь легкость передвижения.

— Никодим! Нельзя ли попытаться зарядить машину? — крикнул я.

Мой голос совсем слабо прозвучал, значит, воздух на луне сильно разрежен.

— Опасно, — глухо отвечал друг. — По всей вероятности, здесь жизни все-таки нет. Если мы пустим психо-магнит, он в первую очередь, а может, вместе с тем и в последнюю, поглотит нашу мозговую энергию, и мы погибнем...

Снова начинаю ворочать головой, перепрыгивая с места на место и тем спасая сапоги. Обращаю внимание, как гулко отдаются мои прыжки вниз. Подошедший Никодим, заметив мои манипуляции, говорит мрачно:

— Под нами — пусто. Кратер искусственного происхождения.

Его замечание порождает во мне счастливую мысль. Я бросаюсь в машину... Стрелка психо-компаса настойчиво указывает вниз, а не на разбитый аппарат!..

— Никодим! «Они» под нами! — крикнул я через дверь, вновь возрожденный... и остолбенел... Гладкое дно кратера заколебалось... Никодим кинулся ко мне:

— Бежим!.. Это — штуки Вепрева!..

Но я сначала вдребезги разбил граммофоноподобный аппарат, опрокинул аккумуляторы, захватил психо-компас и винтовки с патронами и лишь тогда выбежал вон.

— Куда же бежать?..

Никодим торопил:

— Скорей! Скорей! — на ходу передавая мне, что он во время исследования кратера обнаружил на его стене целый ряд железных скобок, поднимающихся вверх. К ним мы и пустились гигантскими прыжками, задыхаясь от страшного зноя.

Едва я успел уцепиться вслед за Никодимом за первую скобку, как дно кратера быстро пошло вниз.

Почти обессилев от бегства, мы, укрепившись ногами за скобы, полувисели-полустояли и наблюдали за дном, судорожно сжимая винтовки.

Дно вместе с машинами опустилось на сажень и затем стало вдвигаться в обнаружившееся углубление стены... Толщина дна — около полуаршина, углубление же было настолько широко, что свободно проглотило и нашу машину.

Некоторое время царил тишина. Я с укором обратился к своему товарищу:

— А вы говорите, здесь жизни нет!

— Продолжаю утверждать, — кратко молвил мой друг, пристально всматриваясь зоркими глазами вглубь кратера, и затем добавил:

— Обратите внимание на скобы. Они покрыты тысячетлетней пылью... Жизни здесь нет.

— Но она может быть внутри луны, — возразил я.

— Думаю, что и там нет никого, кроме двух известных вам... Здесь была жизнь, в том нет сомнения, но давно прекратилась...

XV

«Бах!.. Бах!..» Из чернеющего углубления вспыхнули два огонька, и пули расплющились недалеко от наших тел.

— Вот вам подтверждение моих слов, — спокойно констатировал Никодим, посылая подряд три пули на блеснувшие вновь огоньки...

Я не отставал.

Зарядов десять полетело от нас к невидимому, но хорошо известному врагу. Тот ограничился четырьмя, ни разу не попал и замолк.

Скобы тянулись не только вверх, но и вниз: мы быстро стали спускаться, фыркая от поднявшейся пыли, в зияющую тьмой пропасть, изредка останавливаясь и чутко прислушиваясь. Противник молчал. Только когда мы приблизились параллельными скобами к отверстию в стене, звякнул в глубине ее металл, будто захлопнули громадную чугунную дверь.

Мы спрыгнули на вдвинутое в стену дно, или, вернее, заслонку. Машина стояла на том же месте; заслонка снова двигалась, уже в обратную сторону...

— К машине! — крикнул Никодим, смело устремившись во тьму. Не понимая, зачем, я пустился за ним.

Расстояние от края заслонки до ее середины, расстояние сажен в 200, мы покрыли тремя прыжками. Никодим

не рассчитал своих движений и с размаху ударился о машину, отчего та заскользила вперед. Оказывается, мой товарищ только этого и желал: нагнав машину, он с силою толкнул ее от себя, к противоположному краю уходившей из-под ног заслонки...

Скоро мы почувствовали, что находимся на неподвижной почве. Темнота все более и более сгущалась по мере того, как заслонка входила в русло кратера, на свое старое место. Наконец погас последний луч. Никодим зашептал:

— У меня есть электрический фонарь, но пока я не хочу им пользоваться... Смотрите, там пробивается свет!

Действительно, впереди змеилась на густом черном фоне тонкая белая полоска. Казалось, до нее рукой подать. Но нам пришлось пройти добрых 200-300 метров, прежде чем сплошная каменная стена преградила дорогу. Полоса света начиналась выше человеческого роста. Зажгли фонарь.

— Вот чугунная дверь!.. — обнаружил Никодим своими зоркими глазами. — Не ею ли произведен тот металлический звук?

Дверь подверглась самому тщательному осмотру. Никаких петель и затворов! Целая чугунная плита, четырехугольная и массивная, вделанная в каменную стену. Свет проникал через щель на ее границе, там, где камень разрушился от каких-то причин. Я стал на плечи друга и припал глазами к светлой полоске.

Чудесный мир открывался моим взорам... И самое главное, вдали на гранитной ровной дороге я увидел Вепрева, с трудом тащившего своего товарища.

— Шариков ранен! — крикнул я без всяких предварительных объяснений и спрыгнул вниз.

Сдерживая охватившее нас вдруг весьма понятное нетерпение, стали исследовать пол. Он больше чем $\frac{1}{4}$ аршина покрыт был слоем пыли. От машины, стоявшей около, тянулись отпечатки наших ног, а несколько дальше многочисленные следы ног противника. Из них ясно выделялся один, где Вепрев проволоком раненого — длинная полоса, вдавленная в пыль, кончалась у плиты.

— Эх, какой я недогадливый, — проворчал Никодим, — с самого начала нужно было осветить пол...

Блуждая без цели перед препятствием в облаках пыли и все более и более наполняясь досадой и нетерпением, мы, наконец, натолкнулись на двойные следы. Они не могли принадлежать нам, так как шли туда и обратно вдоль стены, куда мы не ходили.

Следы привели нас к знакомым уже нам по кратеру железным скобам; эти тоже поднимались вверх по стене. С радостно бьющимся сердцем, замечая, что пыль на скобах кем-то потревожена, я стал подниматься по ним. В двух саженях от пола, благодаря свету электрического фонаря Никодима, я нашел в стене рычаг. С силой дернул за него, думая тем открыть дверь. Но она осталась на месте, зато вспыхнул свет, подобный солнечному... В потолке тоннеля, в котором мы находились, заблестало огромное стеклянное солнце. Оно было окутано со всех сторон осевшей на него пылью, что, однако, очень мало ослабляло силу света. Чтобы осмотреть тоннель, у нас не было времени. Мы устремились к злополучной плите.

Провозились с ней больше получаса и, может быть, возились бы до сих пор, если бы Никодиму не пришлось в голлову взорвать стену. Порох у нас был, огонь тоже.

В результате счастливой мысли, сбоку плиты зазияло отверстие, достаточное для одного человека. Я пролез через пролом и отыскал с другой стороны плиты рычаг. Благодаря ему вся плита сдвинулась с места в бок.

Протолкав машину через открытые теперь настезь ворота, мы обернулись — бодрые и готовые к новой борьбе — к чудесному, подлунному миру. Хотя от Вепрева и Шарикова уже «след простыл», мы не отчаивались.

Но бодрость наша через пять минут сменилась глубоким унынием. Пока я устанавливал психо-компас, стрелка его беспокойно дрожала и колебалась, а Никодим укладывал в сумку консервы и небольшую флягу с водой, готовясь к дальнейшему путешествию, — свет погас. Весь новый мир, освещавшийся стеклянными солнцами, высоко подвешенными к своеобразному гранитному своду, погрузился во

мрак, скрывая в себе и противника, и особенности своего строения.

Никодим, содрогаясь от обуревавших его чувств, уверял:

— Прodelка Вепрева! Я его знаю! Он способен и не на такую подлость...

Опять нам осталась машина с ее электрическими лампочками!

От песчаной степи родной планеты до настоящей настоящей обстановки, когда я пишу эти последние строки, прошло всего несколько часов, а будто целая вечность осталась за нами. Сколько пережито за этот короткий срок!

Никодим возится с машиной, думая поставить ее на колеса, и мешает писать, качая ее.

Надо ему помочь.

XVI

9 сентября

Уже несколько дней бродим мы по чудесному миру. Свет гаснет здесь и вспыхивает снова через каждые 10 часов, но Никодим оказался правым, утверждая, что на луне жизни нет. Громадные здания, сооружения, машины и математическая точность в смене дня и ночи — дело рук давно вымерших высокоразвитых существ. Когда оборвалась лунная жизнь, сказать трудно. Если верить моему ученому другу, прошло не менее 15.000 лет.

Пятнадцать тысяч лет работает механизм, освещающий подлунное царство, работает совершенно автоматически, построенный и заведенный искусной рукой лунного жителя, даже не оставившего от себя никаких остатков! Что-то чудовищно-невероятное!

И не одно только освещение регулируется сложно и мудро устроенными автоматами: добывание света, выработка и распределение тепла, вентиляция и многое другое происходит здесь само по себе, без помощи и контроля разум-

ных существ. Лунные жители создали себе свои законы природы, которые действуют и по сей час, но они не могли уберечь самих творцов от смерти.

До сих пор я не имел возможности познакомиться с лунной поверхностью. Никодим, внимательно наблюдавший с машины во время ее полета и спуска и запечатлевший за последние четыре дня все подробности внутреннего устройства луны, мало того что на каждом шагу давал мне пояснения открываемым нами все новым и новым чудесам, однажды разрядился еще такой длинной речью, обобщающей все его наблюдения:

— Прежде всего, вся лунная поверхность продырявлена большими, достигающими до десятков верст в поперечнике, и малыми от нескольких саженей кратерами... Я думаю, что когда-то эти глубокие и широкие ходы, сообщающие внутренность луны с внешней средой, имели прямую и, может быть, единственную задачу подавать с поверхности воздух в подлунный мир. Затем, с течением тысячелетий, когда луна обеднела атмосферой или вследствие рассеивания ее в межпланетное пространство, или вследствие того, что весь воздух и вся влага были переведены внутрь луны, — эти кратеры стали служить другим целям, целям вентиляции.

Вы не обратили внимания, когда мы висели на стене кратера, а заслонка его отодвигалась в сторону, как пахнуло изнутри свежестью и в то же время пылью? Мы как раз попали в кратер в момент, предшествовавший проветриванию, думаю, что и наши враги воспользовались тем же, чтобы проникнуть внутрь луны. Теперь, конечно, вентилировать подлунный мир не имеет смысла, потому что воздух его остается неиспорченным, но я хочу обратить ваше внимание на выделение пыли.

Земных астрономов давно смущало одно загадочное явление на луне: периодически, во время лунного дня, который, кстати сказать, сильно отличается от земного, так как продолжается 352 часа, или около 15-и наших суток, на поверхности луны появляются туманные скопления, препятствующие наблюдению с земли... Кроме того, все детали лунного ландшафта как бы завуалированы, сглажены и

трудно, почти невозможно бывает рассмотреть подробности его.

Когда я заметил столб пыли, выделяющийся из кратера, мне стало ясно, что это она мешает земным астрономам в их наблюдениях. Это она образует туман над луной, — ведь не один только кратер выделяет пыль! — и, оседая, ту вуаль, что лежит на всех предметах и сглаживает их очертания.

На земле до сих пор ломают головы и изводят бумажные ворохи над выяснением причины этого явления. А оно объясняется просто и естественно, как мы видим теперь.

От кратеров расходятся радиально во все стороны широкие и длинные, измеряемые сотнями верст, блестящие металлические полосы. С земли они хорошо видны в телескоп и даже в простой бинокль.

Астрономы тоже не знают ничего об их происхождении и роли. Мне кажется, что полосы проложены лунными жителями специально для поимки солнечного тепла во время долгого лунного дня и для проведения этого тепла внутрь луны. Так они остались и по настоящее время. Это — самое простое и вместе с тем мудрое изобретение. Вся соль его заключается в особых свойствах металлического сплава, из которого вылиты полосы. Он жадно впитывает солнечную тепловую энергию и легко проводит ее через отверстие кратеров внутрь для дальнейшего распределения и использования.

Дальше. На луне бросается в глаза обилие горных кражей и отдельных остроконечных высот; и те и другие явились в результате потери луной внутреннего тепла и сморщивания, неизменного спутника всякого охлаждения.

Среди гор особенно выделяются некоторые (их — преобладающее большинство), резко сверкающие и состоящие как бы из хрусталя. Нам приходилось огибать их, чтобы не столкнуться, когда мы летели над луной. Вы заметили, как больно резало глаза от их ослепительного блеска?.. С земли в большие телескопы на эти горы долго нельзя смотреть — глаза слезятся от обильного света, испускаемого ими. Они на самом деле построены из какого-то, подобного

хрусталю или даже алмазу, вещества... Я подчеркиваю «построены», так как склонен видеть в них искусственное происхождение. Если такие горы не сплошь состоят из прозрачного минерала, то, по крайней мере, они густо облицованы им. Служат они, как я думаю, в отличие от металлических полос, впитывающих в себя солнечную теплоту, для поимки солнечного света. Последний преломляется в их массе, задерживается, концентрируется и направляется вниз, откуда распределяется по системе труб в стеклянные шары, освещающие до сих пор подлунный мир. Особенно замечательно то, что эти горы даже во время долгой лунной ночи, равной таковому же дню, продолжают свою работу, так как их высота — до 7-и и более верст — позволяет им ночью видеть солнце. Это замечено нашими астрономами...

И кратеры, и полосы, и сверкающие горы, повторяю, несмотря на то, что прошло уже не менее 15.000 лет, по моему мнению, с тех пор как они, может быть, подвергались последнему ремонту, продолжают свою мудрую автоматическую деятельность.

Кратеры периодически открываются, чтобы проветривать теперь мертвое лунное царство; полосы поглощают тепловую энергию солнца и проводят ее внутрь для отопления лунного шара; хрустальные горы ловят свет, которым освещаются все закоулки луны... Таким образом, вы видите, что если бы мы нашли способ переселить сюда земных обитателей, здесь можно было бы жить!..

Сама поверхность луны для жизни не приспособлена: на ней нет воды, очень мало воздуха, разве только тот, который выделяется через кратеры; лунные дни слишком длинны, и в течение их солнце страшно накаляет каменистую почву; одинаково длинны ночи, во время которых температура на поверхности, как думают наши ученые, доходит до 150°-200° ниже нуля... Это такие свирепые холода, что ни одно живое существо, за исключением некоторых бактерий, их не выдержит.

Я имею основание предполагать, что на луне некогда были и воздух, и вода, и тогда на ней была возможна жизнь.

О воздухе я уже говорил раньше. Вода существовала на лунной поверхности до тех пор, пока лунные жители не переселились внутрь своей планеты и не забрали туда же с собой всю влагу. Об этом говорят многочисленные борозды, и каналы, хорошо видимые с земли, которые, очевидно, в свое время были прорыты здешними обитателями для проведения воды с поверхности в подлунные моря и озера.

Никодим высказывал много крайне интересных и новых для меня соображений по поводу устройства погибшей жизни на луне, но, чтобы не нарушать цельности своего дневника, я должен перейти к последовательному изложению наших приключений и всего встречаемого в подлунном мире.

Итак, свет погас, едва мы вступили на порог новой жизни. Но тьма не была мертвой: издалека доносился непрерывный и мерный стук и гул.

Никодим, не терпящий праздности, занялся постановкой «сигары» на колеса; я записывал события прошедших часов, предварительно справившись еще раз по компасу о положении врагов — они находились в бездеятельности, т. е., по крайней мере, не меняли места, иначе стрелка не оставалась бы спокойной. Очевидно, исчезновение света не было вызвано проделкой Вепрева; он так же, как и мы, теперь не двигался...

Собственно говоря, острота преследования и мой пыл к нему значительно сгладились; Вепрев и его помощник для земли стали безопасными, их вредность заключалась в возможностях. Кроме того, положение их значительно ухудшалось раненым.

Никодим чувствовал то же самое и поэтому, благодушно насвистывая, с головой ушел в работу. Он вынул из подполья машины две металлические оси, о существовании которых я не подозревал, и четыре колеса к ним на дутых шинах.

— Все-таки у Вепрева башка гениальная! — бормотал он при этом, — нужно же было ему запастись осями и колесами! Неужели он предвидел путешествие на луну и непригодность на ней психо-аппарата?

*Все-таки у Вепрева башка гениальная: нужно же было ему
запасись осями и колесами!*

Я вышел на его зов.

— Знаете, Андрей, нам нужно достать небольшую динамо или же зарядить полней электрические батареи, а то они скоро иссякнут, и мы лишимся последнего света...

Такая мысль — достать динамо — явилась у него еще в то время, когда яркий солнечный свет, изливаемый стеклянными шарами, освещал окрестности и перспективы подлунного мира. Этот мир мы успели хорошо рассмотреть.

Прямо от плиты начиналась длинная улица — ничем другим назвать ее нельзя, — крутым уклоном идущая вниз. В ширину она имела добрую версту. По обоим бокам ее тянулись без перерыва упирающиеся в гранитный свод десятиэтажные стены, продырявленные в семь или восемь этажей круглыми отверстиями. Сквозь них из-за стены лился такой же яркий свет, как и от «солнц», прикрепленных к своду, вместе с тем оттуда же доносился гул и стук.

— Если это машинное отделение Луны, — заметил Никодим, — мы сумеем достать из него или построить там динамо.

Эта мысль глубоко запала ему в голову и, ясно, соблазнила меня. Есть восточная пословица, созданная ленивцами: «Лучше — стоять, чем ходить; лучше — сидеть, чем стоять; лучше — лежать, чем сидеть». К этому, исходя совсем из других соображений, я должен добавить:

«А лучше всего — двигаться лежа или сидя», т. е. не затрачивая своих сил для движения.

Динамо могла обслуживать не только освещение нашей машины, но и движение ее. Поэтому, как только внезапно наступившая тьма обрекла вас на неподвижность, мы под покровом искусственной ночи решили проникнуть за дырявую стену улицы.

Попеременно толкая перед собой поставленную на колеса машину и освещая фонарем путь, мы достигли стены. Входа не пришлось долго искать. Это были громадные чугунные ворота, закрытые, однако, изнутри. Взломать их у нас не было силы, да к боязнь производить шум — мы не знали еще о необитаемости луны — отклонила нас от мысли воспользоваться порохом.

Сбоку ворот Никодим нашел небольшую чугунную калитку и уже знакомый нам по виду и по действию рычаг. Как только я опустил его вниз, калитка бесшумно взвилась кверху. Отверстие оказалось настолько малым, что надо было согнуться в три погибели, проходя через него.

— Лунные жители, надо думать, — заметил по этому поводу мой друг, — не обладают большим ростом, если они еще существуют.

Я тоже начал сомневаться в существовании здесь живых, разумных существ: дорога перед стеной, густо покрытая пыльной пеленой, не выдавала ни одного следа, кроме наших. И никак я не мог допустить такой запущенности при наличии какой бы то ни было жизни. Лунный мир казался погребенным под толстым слоем пыли.

За стеной грохот, стук, лязганье, шипенье и другие звуки, производимые невидимыми в темноте машинами, ошеломляли нас. Никодим направил луч света в самую гущу этих звуков.

Бросились в глаза протянутые далеко вверх, вниз и во все стороны многочисленные и разнокалиберные трубы, длинные четырехугольные ящики, толстые и широкие полосы, громадные массивные круги — все блестело под слоем пыли белым, напоминающим покрышку нашей машины металлом, и все было... неподвижно. Работа, очевидно, происходила внутри этих сооружений. Убедившись, что ни одного живого существа не приставлено к ним, мы сделались смелее.

Никодим каким-то особым нюхом набрел на систему рычагов, заведующих, так сказать, освещением этого громадного завода. Рычаги были расположены высоко на отдельной металлической доске и защищены от пыли овальной покрышкой. Чтоб добраться до них, нужно было подняться по широкой, витой лестнице.

Никодим по поводу ее ширины сделал новое заключение:

— Если жители луны не обладают большим ростом, то они должны быть достаточно толсты, чтобы отвечать ширине лестницы...

Сняли покрывку. На доске параллельными рядами сидели рычаги — одни белые, другие черные. Нетрудно было догадаться, исходя из их цвета, о выполняемых ими функциях. Никодим, руководствуясь одним только вдохновением, дернул за крайний белый рычаг и присел, скорчив озорную мину, как бы ожидал, что над нами обрушится потолок. Потолок остался на месте, но далеко в глубине помещения вспыхнул свет, озарив исполинскую трубу, покрытую тем же универсальным металлом, как и все здесь. Труба начиналась от пола и пробуравила потолок.

— Первый опыт удачен, — молвил мой товарищ и дернул за соседний белый рычаг. Осветилась часть смежного с трубой помещения, выделив вторую исполинскую трубу. Когда последний рычаг на доске, а их было до 20, под рукой Никодима изменил свое положение, все обширное здание, не имевшее, казалось, границ, кроме стены, отмежевывающей его от улицы, предстало перед нами во всех подробностях.

Определились могучие контуры гигантских машин, но движения все-таки нигде не было заметно. Мы пронырливали под сводами разнообразных частей и труб, взбирались на витые и прямые лестницы и ходы до самого потолка, и никакая часть машины не угрожала нам зацепить нас за платье, за руку или за ногу. Движущиеся механизмы скрывались под покрывками.

Обратившие на себя внимание две громадные вертикальные трубы оказались не одинокими среди своих братьев по размерам. Точно такие же трубы, расположенные друг от друга на расстоянии нескольких саженей, образовывали, вместе с первыми двумя, длинный закругляющийся ряд. Пока хватало глаз, я насчитал их больше двухсот. Все они располагались правильным кругом в диаметре не меньше трех верст. Благодаря сильному освещению стала видна их крайняя граница, когда мы вошли в середину этого нечеловеческого сооружения. С внутренней стороны трубы соединялись между собой поперечными балками, также облицованными белым сплавом. С внешней — от них отходили многочисленные меньшие по размерам трубы.

Вся ответвляющаяся система вливалась в громадные цистерны, откуда доносилось бурное клокотанье. Ко всему нужно добавить, что каждая из исполинских труб имела толщину в 25 или 30 человеческих обхватов и простиралась до потолка, отстоящего от пола не менее, чем на 10 сажен.

XVIII

Я был ошеломлен грандиозным размахом всех этих сооружений, но, к сожалению, не догадывался об их назначении. Никодим что-то соображал, вертясь около одной из вертикальных труб, и пробовал английским ключом ее винты и гайки. В этом месте сплошная покрывка прерывалась отдельно привинченным к ней небольшим квадратным куском.

Последний сорвался с грохотом, как только Никодим отвинтил все гайки... Мы, даже не успев заглянуть внутрь, упали, как пораженные молнией, наполовину ослепленные: невыносимо яркое пламя брызнуло в лицо.

Через 2-3 минуты, роняя из обожженных глаз обильные слезы, я осмелился поднять голову и посмотреть. Мой друг лежал, дрыгая от боли ногами, под самой трубой; ослепительное пламя продолжало полыхать и заливало его с ног до головы.

Я испугался и крикнул, поднимаясь.

— Никодим, сгоришь!..

— Ни черта! — отвечал тот, — оно не жжется, как я и думал... — и поднялся в свою очередь, прикрывая рукой покрасневшие глаза. — Надо будет поставить на место плиту, не вышло бы чего...

Защищая глаза от раскаленной добела массы, сверкавшей через отверстие, и с удивлением замечая отсутствие какого бы то ни было жара, я помог Никодиму укрепить плиту в покрывке.

— Пока я лежал, — говорил несколько утрюмо виновник происшествия, — я все понял... Эти трубы прямым сооб-

щением идут на поверхность луны и составляют основание одной из хрустальных гор. Горы ловят солнечный свет, и он стекает сюда по этим трубам. Здесь он претерпевает какие-то изменения и, вероятно, уже в жидком виде вливается в цистерны... Но всего удивительней отсутствие рабочих в таких грандиозных сооружениях!.. Не автоматы ли это, черт подери?..

Забыв о цели, мы пробыли в осветительном отделении луны больше двух часов, переходя от одной машины к другой, отвинчивая покрывки и любуясь сложной и точной работой внутри их.

Мы видели, как солнечный свет, проходя через ряд стеклянных линз, попадал в особые прозрачные чаны, где подвергался прессованию и сгущению; видели его в жидком состоянии в резервуарах с кранами; видели, как две длинные суставчатые металлические части, похожие на руки, благодаря своим щупальцам, двигаясь непрерывно в ограниченном со всех сторон покрывками футляре от резервуаров с жидким солнцем к рядом стоящему, открытому сверху громадному ящику, выхватывали из него аршинные непрозрачные баллоны, отвинчивали у них крышку и подставляли их под краны, изливающие жидкое солнце; как наполненные баллоны теми же механическими руками складывались во второй ящик, из которого уже другие руки хватали их и передавали в периодически открывающиеся и закрывающиеся дверки в покрывках сложных машин. Проникая туда, мы видели, как здесь меньшие руки бережно принимали баллон, ставили его к двум толстым проводам, от которых предварительно отвинчивался пустой такой же баллон, прикрепляли его к этим проводам и сами прятались в захлопывающиеся наглухо футляры; видели, как пустые баллоны по закрытым же ходам скатывались в первый ящик и отсюда снова извлекались, наполнялись и т. д., и т. д.; как автоматически менялись изношенные части машин, целые двигатели, громадные стержни, маховики и пр. Видели особые механизмы, изготовляющие двигатели и запасные части, и помещения для хранения их; видели наконец отделение, куда поступали совершенно

изработанные машины и части и где они хранились, сложенные правильными рядами, может быть, дожидаясь ремонта или переплава. Ошеломляющая точность и безусловная разумность действия чрезвычайно сложного механизма выработки жидкого солнца заставляли предполагать, что творцы всего этого должны намного опередить в развитии своих соседей по межпланетному пространству — людей.

Пораженный не менее меня необыкновенным зрелищем, мой спутник наконец очнулся от столбнячного состояния, в которое он впал при созерцании работы механических рук, и вспомнил о цели посещения.

— Да... Все это чрезвычайно мудро, и нам весьма далеко до лунных жителей, но все-таки я думаю, их мудрость не избавила их от преждевременной смерти, заставившей творения пережить творцов... А так как здесь хозяина нет, я имею полное право утащить отсюда один двигатель и один баллон...

Он выбрал из обширного склада двигатель странной конструкции, но в общем напоминающий земные, забрал несколько приводных цепей и вдруг вскрикнул, чем-то глубоко восхищенный...

Я оглянулся, тщетно стараясь отыскать предмет или явление, чем можно было бы объяснить его восторг, и не видел ничего особенного, кроме металлической руки, положившей рядом с квадратом, составленным из металлических осей, такую же ось и удалившейся в защелкнувшийся за нею футляр.

Видимо, та маленькая ось, вся истертая и сточенная, и вызвала его бурную эмоцию, так как он бросился стремительно к квадрату и лихорадочно стал считать заключавшиеся в нем оси.

«Не тронулся ли мой друг умом?» — опасливо подумал я.

XIX

В квадрате лежало 5.000 осей, о чем не замедлил сообщить мне Никодим, не находя нужным пояснить причину, побудившую его приняться за счет.

— В чем дело? — спросил я, окончательно растерявшись, когда мой друг кинулся считать количество самих квадратов — они заполняли собой громадный зал с низкими сводами. Одно успокоило меня — квадраты были сложены в длинные параллельные и правильные ряды; поэтому, для того, чтобы произвести общий подсчет, достаточно было узнать их сумму, заключающуюся в одной и перпендикулярной к ней другой стороне, помножить их — и цель достигнута...

Цифры, надо думать, получились изрядные. Никодим, не справившись с ними в уме, вынул записную книжку и стал оперировать карандашом. Вычисление длилось пять минут. Я уже начал поглядывать на часы, беспокоясь за оставленную нами психо-машину. Разумный огонек, светившийся в глазах моего друга, успокоил меня насчет целостности его мозга.

— 15.000 лет! — подпрыгнув на три сажени, вдруг воскликнул Никодим. — 15.000 лет!.. Черт меня побери со всеми потрохами!.. Адская штука! Чудовищное дело!

Я терпеливо ждал, когда друг разрядится. И дождался... Никодим взволнованно и не совсем последовательно стал объяснять.

— Понимаете? Мы с вами пробыли здесь больше двух часов... Я заметил время, когда рука уложила последнюю ось в этот последний же квадрат... Теперь она начала новый квадрат вот этой первую осью... Хотя ось сделана почти из того же металла, что и оболочка нашей «сигары», т. е. из не нагревающегося и весьма прочного, но она является главной частью и притом единственной в своем роде машины, вон той, где прессуется солнце. Это я заметил сразу, как вошел сюда... Поэтому такая ось скоро изнашивается и должна часто заменяться... Так оно и вышло!.. Через два

часа, как вы сами видите, ось заменилась!.. Я был и раньше уверен, что на луне и в луне жизни нет... Теперь, глядя на полный автоматизм работы машинного отделения луны, заведующего светом, и на мудрую приспособленность всех частей и машин к самостоятельному движению, самообслуживанию и пр. и пр., также принимая в соображение отсутствие здесь следов живых существ и запыленность всей луны, я утвердился в своем мнении... Жизни здесь нет!.. Но меня заинтересовал другой вопрос: как давно прекратилась эта жизнь? И вот, маленькая ось ответила мне...

Я уже все понял и поразился наблюдательности и сообразительности друга, а он продолжал:

— Очевидно (или это надо допустить), что со времени смерти последнего разумного существа из залы не трогался ни один квадрат с осями... Они откладывались и откладывались автоматически, заполняя ее... Но вы видите, зала далеко еще не полна, и на наш с вами век хватит этого пространства, пока механические руки будут укладывать на нем в строгом порядке отработанные оси... Можно даже высчитать, на какое время рассчитан полный автоматизм осветительного отделения луны... Но это потом... Обратимся к моей задаче... В зале уже лежит правильный четырехугольник квадратов с осями... В ширину он имеет 100 квадратов, в длину 219, итого во всей зале — 21.900 квадр.; в каждом квадрате содержится 3,000 осей, а во всей зале — 65.700.000 осей... Теперь. Оси заменяются через каждые два часа, и, запомните, только одна машина во всем отделении имеет такую ось... Следовательно, для того, чтобы могло накопиться 65.700.000 осей, надобно громадное время... Если вы помножите 65.700.000 на 2 часа, вы получите его... Оно равно 131.400,000 часов, или 5.475.000 дней, или 15.000 лет... Снимите шапку!.. Впрочем, она у вас утеряна... ну, все равно... Мы присутствуем при 15.000-летнем юбилее со дня смерти последнего лунного жителя... Когда на земле текла только доисторическая жизнь, здесь уже кончался расцвет ее... Здесь она достигла своего апогея и почему-то оборвалась, успев, однако, механизировать весь труд... 15.000 лет движутся самостоятельно эти

машины!.. Честь и слава тому мозгу, что создал этот грандиозный механический мир!..

— Аминь! — в тон его пафоса закончил я, не впадая в излишний энтузиазм, но разделяя вполне восторг друга.

XX

Меня опять охватила горячка преследования, и, как ни грандиозны казались творения вымершего мира, я больше думал о живом: если Вепрев попадет в такое же богатое машинами место, он со своим гениальным умом всегда сумеет использовать его для постройки нового летательного аппарата. Ведь Никодим додумался же до постановки нашей «сигары» на колеса и легко нашел все необходимое для этого!..

Я снова заторопил товарища и, как тому ни не хотелось возвращаться на улицу, пришлось уступить моей настойчивости.

Кроме двигателя и приводных цепей, мы взвалили себе на плечи пять баллонов с жидким солнцем. Несмотря на свою громоздкость и на внушительный вид, эти вещи не обладали большим весом. На земле всем им можно было сразу дать верных пудов 25 веса, здесь же они тянули не более 3-х пудов, иначе мы никогда бы не дошли до «сигары», так как забрели порядочно далеко. Никодим объяснил их легкость так:

— Луна в 50 раз по объему и в 80 раз по весу меньше земли... Чем меньше масса планеты и чем она менее плотна, тем слабей она притягивает к себе, тем меньше весят на ней предметы. Мы уже заметили на самих себе, насколько уменьшился наш вес. Если на земле вы можете прыгнуть вверх на один аршин, здесь с теми же мышцами вы легко совершите прыжок в несколько сажень... То же самое со всеми предметами: эти вещи, что мы тащим сейчас так легко, на земле нас раздавят, потому что там они будут иметь

большой вес, или иначе, их гораздо сильнее притянет к себе масса Земли.

Но вес предметов объясняется не одним притяжением их к планете, на которой они находятся. Имеет большое значение еще давление на предмет воздуха. На земле нормальное давление считается в 760 миллиметров... впрочем, вам, как не спецу, это ничего не говорит. Обратимся к более простым примерам¹.

Вычислено, что столб воздуха, который легко помещается в 25-ведерную бочку, весит один фунт, иначе: он давит на предмет, находящийся под ним, с силой одного фунта. Чем выше столб воздуха, а на земле воздух простирается вверх до 250 километров, тем сильнее его давление. Каждый квадратный дюйм на земной поверхности испытывает давление в 16½ фунтов. Тело человека, имеющее поверхность в 15.000 квадратн. сантиметров, придавливается к земле соответствующим столбом воздуха, находящимся над ним, с силою нескольких тонн (тонна — 60 пудов). Не удивляйтесь такому громадному весу, который взваливается на нас с первого дня рождения, — мы к нему приспособлены самой природой: тело наше имеет свое собственное внутреннее давление, которое великолепно противостоит силе напирającego на нас со всех сторон воздуха... Зато здесь мы легко замечаем отсутствие этого напора... Так что, запомните: не одно слабое притяжение луны позволяет нам совершать на ней гигантские прыжки и поднимать громадные по внешнему виду тяжести, тут играет большую роль в слабое давление воздуха...

В самом деле, на луне, т. е. на ее поверхности, воздуха нет, как это доказали наши ученые и как думаю я на основании своих собственных наблюдений; но нам не так важно доказать или отвергнуть существование воздуха на луне,

¹ Считаю своим долгом сделать замечание: относительно значения давления воздуха Никодим ошибался. Давление воздуха не имеет никакой роли в весе предметов, ибо каждый предмет, находящийся под этим давлением, таким же давлением отвечает изнутри. *Zenel*.

мы ведь находимся внутри луны, а здесь воздух есть, иначе мы давно задохнулись бы; но, во-первых, он сильно разрежен, следовательно, не так плотен, в, во-вторых, над нами находится лишь десятисаженный столб его, считая за границу этот свод, а не 250километров. Большая разница! Ясно, что и давление такого столба определится не тоннами, а всего десятками фунтов... Для нас, земных жителей, давление такое ничтожно...

XXI

Мы вышли за стену. Никодим снял с плеч свою ношу и вернулся обратно, чтобы потушить свет. Здание, через окна далеко озарявшее улицу, померкло, и все покрылось мглой. Только небольшое пространство освещалось светом из окна нашего аппарата.

Закипела работа. Установили двигатель, соединили его приводными цепями с задней осью машины — с одной стороны, с другой — с баллоном. Каждый баллон содержал громадное количество жидкого света, который, проходя через двигатель и обращаясь в механическую энергию, двигал маховик, а через цепи — и колеса нашей «сигары». Другой баллон мы использовали для непосредственной цели — освещения. На солнечный свет мы заменили свое электрическое освещение, а кроме того, установив на оболочке машины шест со стеклянным шаром, при помощи его далеко разгоняли мрак улицы... Остальные баллоны остались в запасе.

— Ну, едем, едем! — торопил я.

XXII

Проба превзошла наши ожидания. Как только Никодим пустил двигатель, машина рванулась с места, как брошен-

ная пушкой, и в первую же минуту покрыла 5 верст; следующая минута дала уже 10 верст. Большой скорости нам пока не требовалось, мы и то не ожидали, что противник так далеко ушел.

Я, не отрываясь, следил за психо-компасом, изредка бросая взгляд через окно. Улица по-прежнему сохраняла свою ширину; мы держались середины ее и окрестных строений не видели, так как туда не достигал свет нашего солнца.

Уже верст сто оставила за собой машина, когда я заметил странные движения стрелки: она попросту болталась из стороны в сторону, отвечая на дрожание нашего экипажа...

— Стой! Стой! — перекричал я шум мотора. Никодим с удивлением уставился на мое взволнованное лицо и застыл под.

Тут уже я стал уверять, что это — проделки Вепрева, ни больше, ни меньше... Но Никодим, разобравшись как следует, решил, что Вепрев в данном случае не виноват, а просто его носовой платок, так сказать, израсходовал свою специфическую энергию, выдохся и не мог больше служить...

В первые минуты нами овладело отчаяние. Руководящей нитью к дальнейшему преследованию могли служить лишь следы ног противника, если он не нашел способа передвигаться по воздуху. Пришлось остановиться. Осмотр пыльной пелены дороги указывал, что мы на неправильном пути. Повернули машину и во весь опор помчались назад, пока не обнаружили сворачивающих в сторону следов. Вепрев или тащил раненого Шарикова на плечах, или бросил его: следы были одиночные.

С полным ходом чуть не влетели в гранитную стену. Отпечатки ног кончались у широкой металлической двери. Рычаг, находящийся рядом, бессильно болтался — он был сломан изнутри. Но это нас не остановило. В одну секунду при помощи жидкого солнца взорвали не только дверь, но и часть стены. Жидкое солнце взрывалось со страшной силой от электрического тока.

Через неправильный излом широкого отверстия въехали внутрь. Рефлектор далеко разогнал окружающую тьму.

Дохнуло сухим, жарким воздухом. Кругом возвышались разнообразнейшие машины, бронированные теми же белыми покрывалами, но отличавшиеся от первых более солидным, массивным видом. Они молчали, не было стука и грохота, к которому привыкли наши уши в первом машинном отделении.

Мы за стеной... Но следы исчезли. Исчезли сразу, оборвавшись в одном месте за три шага до куполообразного двухсаженного возвышения.

«Отсюда Вепрев прыгнул», — смекнул наконец я.

Прыгнуть-то прыгнул, но куда?

Взор остановился на куполообразном возвышении, как на самом ближайшем пункте.

Рассчитав расстояние, я прыгнул. На лету охватил глазами крышу купола и, чтобы остановить свой полет, наметил опору в виде рукоятки, возвышавшейся над крышей.

Рукоятка дрогнула и подалась в сторону, как только я ухватился за нее.

Никодим, следивший за прыжком, радостно крикнул.

— Купол поднимается!..

XXIII

На самом деле, поскрипывая, как несмазанная телега, и вращаясь кругом, купол вместе со мной полз кверху. Хорошо знакомые следы ног Вепрева отчетливо выделялись здесь рядом с моими.

На душе посвежело. Должно быть, чувства мои в ту минуту походили на чувства доброй ищейки, снова напавшей на след... Сравнение не особенно лестное, но что поделаешь, если оно верно.

Нетерпеливый мой друг уже скрылся под куполом. Я огляделся, прыгнул вниз и с возрастающим удовольствием отметил, что опять попал на те же следы. Отсюда я метнулся прямо к Никодиму, уже бесновавшемуся в бурном восторге...

— Ну, конечно, они там! — восклицал он, указывая в глубокий круглый колодец, из центра которого поднимались два плетеных из проволоки каната, переброшенные через блок в своде купола.

— Это лифт, — сказал я. Сверху из-под купола, как мертвое эхо, отозвалось:

— Да, да, друзья мои; это — лифт!..

— Кто сказал? — изумился Никодим, тревожно всматриваясь сначала на меня, потом вверх.

— Вепрев! — коротко отвечал я, сдерживая бешенство.

И, как насмешливое эхо, отдалось:

— Да, друзья мои, Вепрев...

Голос шел снизу и, отраженный сводами купола, попал нам в уши. Когда мы, растерявшиеся и ошеломленные, склонились через перила к отверстию колодца, нам стало ясно: Вепрев находился глубоко под нами.

— Что же вы замолкли, юные революционеры? — снова прозвучал глухой, придушенный расстоянием, ядовитый голос.

Впервые, после мирного посещения хутора, я слышал его, и — какая разница! — это уже не был нежный, добродушный учитель, отечески относящийся ко мне, желающий добра, только добра... Теперь Вепрев не находил нужным притворяться, в его голосе звучал яд; то был беспощадный враг, не суливший при встрече ничего хорошего!..

Мне стало стыдно до густой краски в лице, когда я вспомнил свои занятия со стеклянными шариками... Никодим хрипел, задыхаясь, — не знаю, от каких чувств...

— Что же, юнцы, перелякались?..

Страшный взрыв заглушил все и потряс почву

К ехидному голосу присоединилось глупое торжествующее хихиканье... Значит, Шариков — жив... Это его смех!..

— Да ответьте же вы ему что-нибудь, подлецу! — прошептал, багровея от злобы, Никодим.

— Господин Вепрев, — сказал я, как плюнул, в колодец, — не находите ли вы, что ваш разговор происходит в слишком неопасной для вас обстановке?

— Вы хотите сказать, — отвечал голос, — что если бы меня не отделяло большое расстояние...

— Вот именно! — прервал я его.

— Ошибаетесь!.. Я сейчас пришлю вам лифт, можете спуститься сюда, к нам, — тогда поговорим...

Опять ехидное, торжествующее хихиканье вторило голосу...

Блок заскрипел, канат заструился перекрученными проволочками — Вепрев исполнял свое обещание...

Никодим стиснул мою руку и прохрипел:

— Нельзя, нельзя этого допустить... Они что-то замышляют... нужно отойти от лифта!..

Как по вдохновению, выхватив из кобуры револьвер, я в упор выстрелил в один из концов каната...

Перерезанный пулей, канат свистнул мимо нас, выскользнув из блока... Что-то с дребезжанием сорвалось вниз... Все произошло в несколько секунд...

В глубине колодца грохнул разбившийся лифт... Донеслись отчаянные крики... и вдруг — страшный взрыв заглушил все и потряс почву...

Бурный порыв — отзвук взрыва, дошедший через колодец, вывернул наизнанку стальной купол, как дождевой зонтик, сорвал нас с площадки и взметнул кверху на несколько саженей...

Неожиданный полет закончился так:

Никодим чуть не разорвался пополам, оседлав со всего маху острый гребень какой-то нелепой машины... но не разорвался и даже нашел в себе достаточно сил, сидя верхом, прокричать:

— Так им и надо!..

Я, сделав несколько воздушных сальто-мортале, довольно плавно опустил и плотно уселся на рефлектор нашей сигары, раздавив его. «Солнце» сверкающим каскадом разлилось вокруг в сияющие лужи, и через лучеиспускание стало быстро испаряться. Пока я под солнечными струйками, брызгавшими из оборванного провода, спускался по шести, от луж не осталось и следа.

Страшный взрыв заглушил все и потряс почву.

Не считая этих слабо светившихся струек, все кругом исчезло во мраке.

Я выключил баллон и с электрическим фонарем пошел искать Никодима.

— Где вы и что подделываете?! — крикнул я в пространство.

— Сижу и думаю, — последовал спокойный ответ.

— О чем думаете? — смеясь, спросил я.

— Прежде всего о том, как спешиться, а затем: действительно ли погибли эти мерзавцы?

Слезать со стального коня было несколько мудрено — от ушиба Никодим с трудом владел ногами, — но кое-как это удалось.

По поводу второй его «думы» я отвечал, что пока не увижу своими глазами трупов врага, не поверю его смерти.

Перетащив в «сигару» сильно потрепанного товарища, я не чаял, как добрался до подушки, сымпровизированной из сапог и куртки. Больше 12-и часов мы были на ногах, в весьма приподнятом настроении. Энергии затратили невероятно много, взрыв уничтожил последние ее остатки.

Мы бултыхнулись в сон, как камень в воду.

XXIV

Проснулись мы почти одновременно и от одного чувства — сильной жажды. Спали немного: часа четыре, не более.

Искусственный солнечный свет снова струился через окна машины. Это нас восхитило, но омрачило другое — кончалась вода... Едва хватило по полстакана и пить захотелось еще сильней.

За свое, правда, короткое пребывание в подлунном мире мы еще ни разу не встречали водных бассейнов или водопроводов, хотя высокоразвитая техника оборудования посещенных нами мест говорила за необходимость присутствия каких-либо водопроводных сооружений.

Преодолевая жажду, мы все-таки прежде всего занялись заменой раздавленного при вчерашней катастрофе стеклянного шара. Новый найти было нетрудно. Поднявшись по пристройкам и лесенкам к потолку, мы изолировали из него одно сверкавшее стеклянное «солнце».

При обратном спуске Никодим заинтересовался потолком. Над нами простиралась громадная заслонка, знакомая уже нам по кратеру и отличавшаяся от первой тем, что ее края прорезали саженные в ширину, крытые кругом желоба, сходявшие радиально вниз. Каждый желоб заканчивался отдельно внизу — в центре круглого бака.

Любознательность моего друга пересилила его боли в пояснице и других частях тела и, пока я возился с установкой рефлектора, он опять пустил в ход свой неразлучный английский ключ.

Жажда все более давала себя знать. А тут еще откуда-то потянула струя горячего воздуха, отнимая от моего и без того иссохшего организма последнюю влагу.

Кое-как справившись с рефлектором, я отправился к баку, где должен был находиться Никодим.

Он сидел в позе глубокого созерцания перед отвинченной крышкой бака. Из этого-то отверстия и лился горячий воздух.

— Нам очень холодно? — несколько сурово спросил я, возвращая своего друга из области грез в печальную действительность.

— Да... Нет... — рассеянно отвечал тот. — Знаете, что это такое? — он указал в глубь бака.

— Было бы недурно, если бы вы сначала заткнули его, — прервал я резко, — а потом объяснили.

— Ах, да! — спохватился Никодим, сообразив свою оплошность, из-за которой воздух, окружающий нас, жарил, как полымя доменной печи.

— Ну-с, так что представляет из себя ваше открытие? — поинтересовался наконец я, когда злополучный бак был закрыт.

— Это резервуар, куда стекает солнечная тепловая энергия...

Только чтобы не обидеть приятеля — мне было не до научных изысканий, — я спросил:

— Откуда стекает?

— Помните те полосы? — живо отозвался друг, будто не чувствовал никакой изнуряющей жажды.

— Те, что отходят от кратеров?

— Да, да! Моя догадка оправдалась...

И он развил стройную теорию, ту, что я приводил выше, о поимке полосами солнечного тепла и об использовании его для отопления луны.

— Так! — резюмировал я и сделал не вполне логичный вывод:

— Значит, мы в отопительном отделении луны, от чего нам не легче, как видите... Давайте искать воду...

— Чертовски пить хочется! — жалобно простонал Никодим, стряхнув с себя состояние «небытия».

Мы обыскали все закоулки громадного здания и ничего, кроме тех же самих баков и полос, не нашли. Никодим еле плелся, то и дело высовывая шершавый язык и пытаясь смазать им запекшиеся губы.

— Чертовски пить хочется... — стереотипно повторял он, блуждая взором по ненавистным громадам, пропускавшим через покрышки зной.

Мне и раньше приходилось испытывать острую жажду, еще на земле, когда волею «белых» наш отряд пробирался через раскаленные солончаковые степи Астраханской губернии. Но там перед нами стояла, как спасительный маяк, надежда, что через 100-150 верст будет вода, много воды... А здесь?..

Может быть, луна вовсе лишена влаги?..

Я плелся мимо вывернутого вчерашним взрывом купола... Обостренное обоняние почувствовало в воздухе холодное течение, будто от колодца...

Опустив голову через перила, я вздрогнул, как наэлектризованный, когда, втянув в себя струю воздуха, почувал влажность.

Никодим, отплясывая танец «диких», подтвердил мое ощущение...

У нас была длинная веревка. Никодим настаивал: бросить машину и спуститься вниз. Я колебался — здравый смысл выставлял сильные доводы: бросить машину — значит обречь себя почти наверняка на постоянное жительство на луне; обратно подняться по тонкой веревке мы не смогли бы.

Пустить Никодима с бочонком опасно, так как он после неудачного полета сильно ослаб.

Предложить ему остаться около машины, а самому полезть в колодец? Друг мой был так возбужден, что я боялся вызвать в нем дурные подозрения.

И вот мы стояли и спорили хриплыми голосами, не зная, на что решиться.

В разгар нашего не совсем нормального спора вдруг вклинился слабый голос, скорее стон...

Прислушались... Стон поднимался из колодца.

— Ну, Никодим, — решил я наконец, — я полезу, а вы останетесь около «сигары».

Как я и ждал, Никодим запротестовал. Он указывал: если внизу раненый, придется его вытягивать на канате, не бросить же? А так как вы сильнее, то и должны остаться наверху.

— Ну, с обратным подъемом меня и раненого, если таковой будет, вы легко справитесь, — разочаровал я его и, подкатив «сигару» к колодцу, объяснил, приступив сейчас же к делу:

— Мы привяжем конец каната к одному из задних колес. Под «сигару» подложим вот этот обломок, чтобы ее колеса, соединенные с двигателем, не касались пола. Вы будете регулировать вращение их; и у нас будет хороший лифт, когда к другому концу каната я привяжу себя...

Таким образом, по моей идее, канат должен будет наматываться вокруг оси.

Мой приятель возразил:

— От трения с краем колодца веревка загорится или перетрется...

— Пустяки, — отпарировал я и использовал уцелевший блок, перекинув веревку через него.

— Только скорее... скорее, — согласился теперь Никодим.
— Я умираю от жажды!..

Меня не нужно было торопить. Усилившиеся стоны в колодце активировали меня сильнее всякой жажды.

Блок заскрипел, и я с бечевкой за плечами стал быстро опускаться с немного жутким чувством в дышавший сыростью колодец.

Увидав, спустя 2-3 минуты, что он кончился, я крикнул вверх об остановке. Веревка натянулась и замерла.

Я повис на расстоянии не меньше 10-и сажен в отверстии гранитного свода.

Внизу все представляло страшную картину разрушения. Стекланные шары направо и налево от меня в потолке были разбиты, из них катилось жидкое «солнце», испаряясь, не успев долететь вниз, и наполняя мерцающим полумраком атмосферу. Я разглядел развороченные взрывом сооружения и темную, движущуюся массу под собой, издававшую стоны.

Не заметив ничего подозрительного, я дал сигнал к дальнейшему спуску.

Опускаясь все ниже и ниже, я сообразил нечто, в одно и то же время обеспокоившее и ободрившее меня, а мой желудок начал возбужденно сокращаться...

...Все было залито клокотавшей водой...

Темная масса оказалась Шариковым... Бедняга с размозженными ногами пытался взобраться на обломок гранитного куска, спасаясь от наводнения.

Увидев меня, он что-то жалобно залепетал.

«Допрыгался», — подумал я, но от его ран стало жутко.

— А Вепрев где?

— Ушел... туда... дальше... — простонал несчастный.

— Значит, жив и невредим?

— Да... он догадался... укрылся...

— А вас, значит, бросил? — продолжал я жестокий (сознаюсь) допрос.

— Бросил... подлец!..

— Может быть, это западня? — невольно схватился я за револьвер.

— Нет... нет... — простонал раненый, поняв мое подозрение. — Он бежал... к небезам...

— Какие-такие небезы?..

— Лунные жители... Они скоро будут здесь... ой-ой-ой!..

Должно быть, я не особенно нежно пропустил веревку ему под плечи.

«Вот черт, у него здесь союзники, что ли?» — думал я про Вепрева, наполняя бочонок и флягу живительной влагой и не забыв влить ее в свой истрадавшийся организм.

Никодим нетерпеливо задергал веревку.

— Готово! — крикнул я. — Принимайте гостя. — К Шарикову я привязал флягу, а сам, уже по пояс в воде, остался с бочонком.

Как только веревка натянулась, раненый потерял сознание, его раздробленные ноги стали бессильно болтаться.

С револьвером в руке, посреди бурлящей воды, я ждал возвращения каната. Печальные думы витали надо мной.

История усложнялась. Появились какие-то «небезы», если это только не бред потерявшего много крови и жалкого теперь врага.

Не был ли Вепрев на луне раньше? — вот в чем вопрос.

Мои мрачные размышления прервалась с появлением свободного конца веревки. Окунувшись с головой в чарующую прохладой влагу и хлебнув еще, я не без сожаления покинул место катастрофы.

XXV

Шарикову пришлось отнять обе ноги, что мы выполнили по всем правилам хирургии.

Впрочем, на мою скромную долю выпало только ассистирование, когда «энциклопедический» Никодим орудовал финским ножом. Нужно отдать ему справедливость: он резал с таким апломбом, с каким мясник редко отхватывает фунт мяса.

Операция (если только можно так сказать) окончилась вполне благополучно. Благодаря предварительной тугой перевязке обеих конечностей выше места ранения оперируемый почти совсем не потерял крови.

По рассказам нашего пленника, резко изменившего свое отношение к Вепреву, луна оказалась населенной. И если бы наш психо-магнит не был разрушен вместе с аккумуляторами, можно было бы снова зарядить их — уже психо-энергией лунных жителей, небезов, как их называет Шариков. И мы сейчас передвигались бы не на колесах, убегая от преследования и оставляя за собой глубокие следы на пыльных дорогах, а по воздуху.

Но нет худа без добра! Шариков поведал, что моя жизнь и жизнь Никодима могли оборваться, как скоро Вепреву досталась бы наша машина с неиспорченными аккумуляторами и магнитом.

Дальше я передаю сведения, сообщенные нам тем же Шариковым.

Свою идею постройки чудовищного аппарата Вепрев заимствовал у жителей луны, еще будучи сам на земле.

Без помощи небезов ему удалось создать лишь проект магнита (по аналогии с радио-магнитом), улавливающего волны мировой психо-энергии.

Его помощник, хорошо знакомый с психо-механикой, осуществил этот проект, воплотив его в механические формы. После первых опытов оказалось, что созданный аппарат притягивает не только энергию существ, населяющих землю, но и других планет, близлежащих к ней.

Таким образом, в особом приспособлении психо-магнита (психо-фиксаторе) записывались волны, идущие с Венеры, Марса, Луны и Земли.

Вепрев нашел ключ к расшифровке знаков, отмечаемых в фиксаторе. Волны с Венеры говорили лишь о первичных инстинктах — следовательно, там жизнь находилась в самой первобытной стадии своего развития. С Марса доходила слабая радиация, указывающая на какую-то катастрофу, в результате которой погибло большинство высоко-развитых обитателей его.

Вепрев был близок к тому, чтобы разгадать сущность и причины этой катастрофы, но новые сильные радиации отклонили его мысль в другую сторону.

Наиболее мощными волнами после Земли обладал ее спутник — Луна. Она-то и заняла все внимание ученого.

Из расшифрованных ее радиаций он узнал, что на Луне пользование психо-машинами не является новостью. Там они употреблялись с незапамятных времен и с разнообразными целями, а главное, с целью удержания в повиновении масс небезов властителями Луны.

Психо-фиксатор отметил еще одно применение психо-машин — перелеты по воздуху и даже по межпланетному эфиру.

Почему небезы или их правители не воспользовались последним свойством психо-машин для посещения Земли, Шариков не знал, а его коллега не любил много открывать.

При содействии Шарикова была построена первая психо-машина, на которой Вепрев рискнул посетить Луну. Там, войдя в большое доверие «везов» — правящей клики, очевидно, близкой ему по идеологии, — он получил детальные указания, как пользоваться психо-магнитом, применяя его для уничтожения того или другого класса общества.

Я и Никодим хорошо знали, что для этого требовалось!..

Бегство и разоблачение Никодима, однако, расстроили чудовищный план, к которому был причастен всей душой и наш теперешний пленник.

Мы, оказывается, захватили контр-революционных прожектеров врасплох: они и не помышляли о столь быстрой развязке... Им пришлось спешно удирать, бросив второй летательный аппарат — он же и психо-магнит, — застрявший в трапе пола.

Вепрев и Шариков совершенно не думали, что мы сможем им воспользоваться... Моего друга, а своего — глухонемого слугу, они считали за полного идиота!..

Увидав Никодима разумно говорящим, Шариков был удивлен чрезвычайно!..

Но мы так энергично преследовали первый аппарат, что находившиеся в нем впервые минуты растерялись и считали себя погибшими.

Счастливая мысль Вепрева — скрыться на Луне, лишь на немного остановила преследование (Шарики не знал, что нас задержало).

Здесь у них так же, как и у нас, разрядились аккумуляторы.

Лишь благодаря мощной и тренированной воле Вепрева, им удалось выскочить из машины в то время, как она стремительно падала в кратер. Вепрев, подобно факиру, сконцентрировал все свое внимание на спуске по воздуху себя и Шарикова; таким образом, они благополучно спустились к своей расплюсченной от удара машине.

Зная, что мы ориентируемся по психо-компасу, кстати сказать, он у них не работал, как и предполагал Никодим, они стали ждать нас в кратере с винтовками в руках, отодвинув его заслонку и укрывшись в нише стены.

Овладесть нашим аппаратом, вернее, магнитом, им не удалось, когда они переменили тактику, так как я его привел в негодное состояние.

Перестрелка повлекла за собой ранение в ногу злополучного Шарикова. Обремененный ношею, которая вследствие особых свойств Луны все-таки явилась вполне посильной, Вепрев пустился наутек, когда увидал нас бесстрашно спускающимися в кратер. Медленно возвращающаяся на свое место заслонка дала нам возможность продолжать преследование.

Но предусмотрительно опущенная Вепревым плита, ограничивающая подлунный мир от тоннеля, и последующее, не зависящее от преследуемых исчезновение света задержало нас, а противнику предоставило несколько свободных часов, которыми он и воспользовался, чтобы уйти на достаточное расстояние.

Если бы мы промешкали еще немного, нам не удалось бы застать их у лифта.

Здесь Вепрев решил выкинуть свой последний трюк, неожиданно закончившийся весьма плачевно, но не для

нас. Он поставил в лифт «адскую машину», начиненную страшной силы взрывчатым веществом. Машинка должна была взорваться, поднявшись к нам.

Я расстроил «милое» намерение «славного» учителя, и при взрыве был тяжело ранен Шариков.

Вепрев, успевший укрыться за мощной стальной перегородкой, уцелел и даже не получил ни одного повреждения.

Вот тут-то и выявилась вся его зверская и подлая натура!

Видя произведенные взрывом разрушения, — от него было сильно повреждено одно из отделений Луны, выбатавливающих воду, — и зная, что вскоре придут небезы, извещенные автоматическим сигналом о катастрофе, Вепрев решил ждать их... И цинично заявил своему тяжело раненому товарищу о намерении использовать его мозг, чтобы убить своих преследователей, т. е. меня и Никодима.

Он знал, что небезы придут на аналогичной нашей психо-машине (вот почему на пыльных дорогах не было следов!), но действующей психо-энергией Луны. Для того, чтобы она «работала» избирательно по отношению к человеку, ее нужно было зарядить человеком же!..

Самого Вепрева скрыла бы от губительных волн покрывка психо-машины (через нее психо-волны не проходят). Значит, все люди на Луне, не укрытые от них, должны были погибнуть. А такими являлись только я да Никодим...

Небезы почему-то запоздали, и Шариков принужден был провести не особенно приятную ночь в соседстве с своим «другом».

Лишь через четыре-пять часов после происшествия Вепрев почувствовал интуицией приближение небезов и в то же время услышал наши голоса над колодцем. Поняв, о чем мы так жестоко спорили, он не стал нас ждать, так как был безоружен, а, бросив раненого на произвол бушующей воды, отправился навстречу небезам.

Шариков, поднятый нами к себе, как только пришел в чувство, сообщил нам о грозящей опасности.

Нужно было бежать... Но куда?..

На поверхность Луны? Шариков заявил, что мы не погибли там в первый раз лишь потому, что не открыли машины раньше прибытия на дно кратера. На Луне воздух крайне разрежен и нам предстояло мгновенно разлететься на куски, лопнуть, подобно волчьему грибу, если бы мы открыли дверь: наше внутреннее давление, давление клеток тела превысило бы во много раз давление разреженной атмосферы.

На дне кратера мы не лопнули по той простой причине, что над нами находился довольно плотный двухверстный столб воздуха, вышедшего из внутренности Луны. Так объяснил Шариков.

Он же посоветовал нам, правда, не особенно бодрым голосом, держаться ближе к ненаселенным местам Луны — там было меньше вероятности встретиться с преследователями-небезаами.

Что такое преследование есть, он был твердо убежден.

Во время продолжительной поездки — я не пускал машины на полную скорость, боясь растревожить быстро рубцующиеся раны пленника — он познакомил Никодима с устройством психо-магнита. С целью реставрировать его мы несколько раз заезжали в машинные отделения Луны, попадавшие на пути, и забирали оттуда необходимые для этого материалы.

Никодим, уверенный, что нам удастся восстановить разрушенный механизм, по своему обыкновению, с места в карьер лихорадочно приступил к нему.

Мы уже несколько дней блуждали по Луне, беспрестанно переезжая с места на место и путая следы.

Я потерял счет земным дням. Ориентируемся по лунным. Через каждые десять часов здесь (внутри Луны) происходит смена искусственного дня на ночь.

Шариков оказался добродушнейшим и разговорчивым существом, но все-таки контр-революционером. Говорит, говорит... и заврется... И в смущении, даже, пожалуй, в страхе смотрит — не пристрелим ли мы его?..

В своих закостенелых убеждениях он верен себе. Каков был, таким и остался. Изменилось лишь его отношение к Вепреву — без пены у рта он не может говорить о своем соратнике...

Должно быть, предполагая, что нам все-таки не отвертеться от небезов, он знакомит нас с их бытом (очень мало) и условиями жизни на населенном полушарии Луны.

Для меня не было новостью, что Луна постоянно обращена к Земле одним своим полушарием, а другое смотрит всегда в противоположную сторону. Это — следствие притяжения Земли. Некогда, надо думать, и Луна вращалась, подобно нашей планете, вокруг самое себя. С течением же времени, под влиянием постоянной тяги к Земле, вращение должно было прекратиться. И в то время, как обращенное к нам полушарие изучено превосходно — ведь наши сильнейшие телескопы как бы приближают Луну на 60-верстное расстояние к Земле вместе 360.000 верст — противоположное полушарие остается загадкой.

Теперь Шариков, на основании полученных им сведений от Вепрева, рассказал, что на этом полушарии скопилась вся влага и воздух, там же сгруппировалась вся жизнь.

При этом он привел пример, наглядно демонстрирующий, почему влага и воздух очутились на одной только стороне Луны, и как раз противоположной Земле.

Если взять шар, обвязать его бечевкой, смочить всю поверхность шара водой и, держа конец бечевки в руке, начать вращать шар вокруг руки, то получится такая картина: вода соберется на крайнем от руки полушарии, а ближайшее будет сухим. Это действует центробежная сила.

В примере шар играет роль Луны, рука — Земля, а бечевка — силы притяжения.

Луна как бы привязана к Земле и на самом деле вращается вокруг нее; ясно, что все наиболее легкие вещества, как воздух и вода, должны собраться на противоположной от Земли поверхности.

— Некогда лунная жизнь, — говорил Шариков, — заполняла не только это полушарие, но и всю внутренность Луны. С тысячелетиями, постепенно, вследствие вырождения

и вымирания небезов, жизнь осталась только на небольших участках лунной поверхности, располагающей воздухом и влагой. Но за покинутыми местами идет постоянный надзор, и он совершается крайне редко...

— Через каждые 15.000 лет? — робко высказался Никодим, который вначале был сильно смущен фактом обитаемости Луны.

— Может быть, и так, — спокойно отвечал Шариков.

— В таком случае, — возразил я, — небезы должны отличаться большой долговечностью!..

— Я предполагаю, что они живут тысячелетиями, — подтвердил Шариков.

О социальных отношениях между обитателями Луны он старается не высказываться, боясь проявить свои симпатии. Хотя изредка проговаривается, после чего всегда с тревогой ждет нашей реакции...

Из этих случайных слов я вывел заключение, что небезы делятся на два резких класса: везов, или (вне всякого сомнения) эксплуататоров, и широкой массы небезов, мрачно и свирепо угнетаемых первыми.

XXVI

Мы вляпались!..

В бестолковом бегстве, переезде с места на место, порою по старым следам, прошло около пяти «лунабрей» — так мы назвали, подобно гоголевскому сумасшедшему, дурацкие лунные дни и ночи, к которым никак нельзя привыкнуть: нас клонило ко сну, когда сияли бесчисленные солнца, и наоборот: подлунные ночи мы часто проводили без сна...

Ведь разница только в 4 часах: подлунные искусственные сутки равны 20 часам — а сколько крови нам испортила эта разница!

Хотя, отчасти, бодрствование ночами имело свою пользу: мы благодаря рефлектору могли двигаться, когда поту-

хали солнца, и укрывались на день в каком-нибудь закоулке.

Калека повалился с кресла.

В один из таких последующих «лунабрей», в конце дня, наша «сигара» мчалась по бесконечной пыльной улице, обставленной дырявыми стенами, — под луной все страшно однообразно: и «лунабри», и улицы, и стены, — мчалась, поднимая тысячелетнюю пыль и оставляя за собой пылевые тучи, с большой скоростью... куда?.. Вот уже этого не могу сказать!..

Шариков, полулежа в мягком кресле, вдруг почувствовал смутное беспокойство и изрек трепетно:

— Чую, чую русский дух... Пускай у меня отсохнут ноги, если за нами не гонится мой приятель!..

Привыкшие к постоянным шуткам своего пленника, мы мало обратили внимания на его последние слова. Тогда он с большей серьезностью повторил:

— Ребятки, ведь я не шучу: Вепрев — близко!..

Никодим в это время привинчивал последнюю гайку к уже реставрированному психо-магниту.

— Пускай сунется! — пригрозил он.

Веря Шарикову, так как он не раз своей высокоразвитой интуицией угадывал приближение врага, я ускорил ход машины, потом выглянул в окно и... похолодел: над нами в 2-3 аршинах бесшумно скользила «сигара», превышающая нашу раз в десять...

Остальное произошло, как в сказке или тяжелом сне.

Я схватил винтовку и, ни слова не говоря, высунулся в окно... С неприятельской «сигары» блеснул фиолетовый луч по направлению ко мне — внезапно мои руки, ноги, все тело словно окаменело... Я так и застрял в раме окна...

Никодим схватился за меня и упал, как громом пораженный...

Шариков истерически хохотал...

Машина продолжала идти без управления.

Я видел, как снизился неприятельский аппарат и пристал вплотную к нашей машине; видел, как открылась

дверь и вошел Вепрев, с злобно торжествующей усмешкой...

Безногий Шариков выхватил револьвер и с проклятием направил его на вошедшего. Последний предупредил выстрел — своим.

Убитый напавал, калека повалился с кресла.

Убийца, даже не глянув на жертву и на нас, хладнокровно подошел к двигателю и остановил его.

В машину влезли два странных широкоплечих существа — два слоненка на задних лапах... Верхние конечности, мускулистые и покрытые пергаментной кожей с мелкими черными волосиками, заканчивались двумя длинными пальцами.

«Вот они какие, небезы!» — мелькнуло у меня.

Небезы, то были они, осторожно высвободили меня из окна, обнюхивая мое лицо длинными носами, похожими на слоновьи хоботы. Мне почудилось даже, что их морщинистые древние физиономии скорчились исподтишка от Вепрева в дружелюбных гримасах...

Они двигались крайне медленно, каждое их движение носило отпечаток глубокой задумчивости.

Прежде, чем приступить к чему-нибудь, они долго глядели друг другу и Вепреву в глаза, как бы совещаюсь.

Потом один небез поднял очень легко Никодима, другой — меня, и, постукивая раздвоенными копытцами, оба двинулись вон из машины.

Действие происходило в полном молчании. Даже Вепрев не вымолвил ни одного слова.

Нас внесли в небезовский аппарат. Там такие же слонята — штук пятнадцать — задумчиво поднялись с пола при нашем появлении и сгруппировались около.

Когда их молчаливые и выразительные взгляды стали сверлить мое бедное неподвижное тело, я испытывал состояние, аналогичное пребыванию под рупором психо-машин... Чувствовалась концентрированная психо-энергия, входящая в мозг.

Вошел Вепрев; никто не обратил на него внимания.

Калека повалился с кресла.

Вдруг, как иголкой, кольнуло в голову, но никто до меня не дотрагивался! Слонята в тот же миг, неловко погромыхая толстыми ножками, выбежали наружу.

Услышав звяканье цепей и тяжелые удары на крыше, я понял, что небезы получили приказание прикрепить нашу машину к своей.

Тут я заметил сидящее на кресле, в носу аппарата и под таким же рупором, как у нас, еще более странное существо... Если небезы, что внесли нас, были на две головы ниже человека среднего роста, то это существо не доходило бы и до пояса. Большая голова, совсем не по туловищу, с таким же хоботом, только более нежным, тонкие ручки с двумя длинными пальчиками и совсем крохотные ножки. Тело не покрыто волосами, и кожа, светлая, как тонкий пергамент, морщижилась в мелких складочках.

Потом я узнал, что это — представитель высшего класса, вез.

Он отдавал распоряжения и беседовал с Вепревым одними только глазами, изредка помогая себе богатой мимикой лица.

Странно... я стал понимать их бессловесный разговор...

Вепрев сказал:

— Машина закреплена, — и действительно, стук сверху прекратился. Толпа небезов глубокомысленно вползла внутрь.

Существо ответило:

— Полетим, — плотнее уселось, и мы поднялись в воздух.

Вепрев поместился на соседнем с везом кресле; оно не соответствовало его росту, и поэтому ему пришлось сесть верхом.

Небезы разместились на полу, полукругом от нас, и наблюдали за нами, сосредоточенно моргая глазами.

Оцепенелость моя понемногу проходила. Я почувствовал в упор направленный на меня взгляд, осторожно повернул голову. Никодим хотел что-то сказать, но боялся... Наши глаза встретились, и у меня в мозгу родилась чужая мысль:

— Я могу двигаться... не попробовать ли напасть на Вепрева?

Мысль не могла принадлежать мне, так как я думал совсем противное; значит, это — Никодим.

Сконцентрировав внимание, я отвечал:

— Не надо. Подождем, что будет... Эти чудовища передавят нас, как клопов...

Никодим недовольно отвернулся.

Я забыл упомянуть, что на Луне не только все наши физические движения совершались с изумительной легкостью, но и всякое психическое, каждая мысль рождалась быстрее, отчетливей и легче оформлялись в конкретные образы и предложения. Еще до пленения мы, заметив эту необычайную легкость мышления, производили опыты над передачей мыслей без слов. Стоило только глядеть друг другу в зрачки, слегка напрягая внимание, и мысли из моей головы в голову Никодима и обратно переливались совершенно свободно.

Я перевел взгляд на ближайшего от меня небеза, тот, поймав его, опасливо оглянулся... Невольно и я глянул туда же. Вепрев и вез сидели к нам спиной.

Небез лукаво подмигнул и вдруг так пристально уставился на меня своими круглыми кошачьими глазами, что я почувствовал, как работа в его мозгу стала индуцироваться в моем.

— Уйя... Уйя... — родился звук в моем сознании...

— Кто Уйя? Кто Уйя? — спросил я мысленно.

Тот, снова боязливо оглянувшись, ткнул себя пальцем в грудь.

— Так, — подумал я. — Значит, ты — Уйя... Очень приятно. Ну, а я — Андрей...

Небез понял меня, морщинистое лицо осветилось радостью.

Остальные небезы внимательно следили за нашим коротким разговором и, видимо, сочувствовали ему, так как радость Уйя разлилась и на их лицах.

«Черт возьми, дело не так плохо!» — подумал я с невольным душевным подъемом, — у нас есть сочувствующие...

Уйя, не отрывавший от меня взоров, довольно закивал головой...

В этот момент снаружи погас свет: кончился короткий лунный день, начиналась ночь. Воспользовавшись темнотой, я с удовольствием потянулся, сбрасывая с себя остатки окоченелости, и снова замер, когда вспыхнуло стеклянное солнце в потолке машины.

Вепрев встал с кресла и подошел к нам:

— Ну, как, друзья мои, можете ли вы уже говорить?

Я не отвечал, Никодим тоже.

— Черт с ним, — подумал я, — пускай воображает, что мы еще не освободились от действия фиолетового луча...

— Великолепно, — произнес Вепрев, — так меньше с вами хлопот... Лежите себе спокойненько!..

Машина замедлила ход и плавно опустилась на дорогу, — я слышал, как, шипя, раздалась под ней пыль.

Небезы продолжали сидеть истуканами. Вез обернулся к ним, и снова, как иголкой, кольнуло в мозг, а Никодим даже крикнул. Теперь я понял: вез отдавал свои распоряжения; его громадная голова излучала острую энергию, мысли его слишком интенсивно раздвигали нашу мозговую ткань.

Я осознал последнее приказание:

— Лопать!

Иначе нельзя было понять — во всяком случае, не «кушать», а гораздо грубее.

«Обращеньице!» — подумал я, не без ненависти глядя на существо «высшей породы».

Небезы засуетились, если можно так назвать их медлительные, задумчивые движения, может быть, только на одну сотую ускорившиеся.

Два небеза отделились специально для кормления своего дегенеративного владыки.

Один из белого лакированного ящичка совочком достал черный порошок и стал растирать его в ступке, смешав с небольшим количеством воды.

Другой в колбе нагревал воду над невидимым пламенем аппарата пирамидальной формы.

Когда вода была достаточно нагрета, а порошок растерт, и то и другое первый небез смешал в колбе.

Теперь второй небез достал небольшую воронку из мягкого голубого материала с длинным эластичным концом. Этот конец вез глубоко запихал в свой дугообразный рот и стал его глотать...

Из колбы через воронку перелили непосредственно в его желудок всю жидкость...

Во время процесса кормления вез сидел неподвижно с остекленевшимся взором и, судя по его гримасам, не ощущал большого удовольствия.

Для Вепрева приготовили такой же напиток, он с удовольствием потягивал его безо всякой воронки.

Небезы удовлетворились тем, что вынули из сумок, висевших у каждого через плечо, щепотку порошка, более грубого, чашку и воронку с менее длинным концом; смешали в чашке порошок с холодной водой и смесь отправили таким же порядком внутрь.

Не знаю, как Никодим, но я, глядя на завтрак небезов, ощутил волчий аппетит.

Уйя посмотрел на меня, прочитал мои мысли и робко подошел к своему «господину». Тот переметнулся глазами с Вепревым и отдал бессловесное приказание:

— Накормить!

«Неужели они нас той же дрянью будут пичкать?» — содрогнулся я, видя манипуляции Уйя с черным порошком.

Уйя, став на колени и приподняв могучей рукой мою голову, поднес мне чашку. Напиток оказался приятного, сладковатого вкуса и очень питательным.

Никодим тоже не отказался от завтрака.

Через пять минут во мне заиграла необыкновенная бодрость, а еще через пять и я, и Никодим, и небезы окунулись в глубокий сон.

— Вот так напиток! — восхитился я, погружаясь в блаженные грезы.

XXVII

Нас разбудили за две минуты до того, как машина, покрыв неизвестные нам пространства, опустилась на узкий двор, мощный каким-то белым торцом и заключенные в высокие стены из матово-белого металлического сплава.

Что нам сразу же бросилось в глаза — это зарешеченные окна, в 15 или 20 рядов прорезавшие стены, а в них — физиономии небезов, с большим любопытством и возбуждением пялившие на нас свои круглые глаза.

Рассеянный солнечный свет падал из прозрачно-матового неба в узкий четырехугольный пролет, отграниченный высоко стоящими краями стен.

Ни один звук, кроме постукивания копытц сопровождавших нас небезов да шагов мрачно настроенного Вепрева, не оживлял унылого вида нашего, как мы догадались, места заключения.

Белое и утрюмое царство безмолвия!..

Нас немедленно же ввели в слишком гостеприимно распахнувшиеся двери тюрьмы. Устройство последней мало чем отличалось от земных...

Под конвоем небезов, вооруженных секирами, подобными древнерусским, мы прошли целый лабиринт коридоров с многочисленными низкими и широкими дверями на крепких запорах.

Нас конвоировали те же небезы, что были в машине. Уйя шел рядом со мной. Его глаза отнюдь не выражали печали, наоборот, он был заметно воодушевлен и подмигиванием ободрял нас, будто говоря:

— Мужайтесь! Мы за вас!

Вепрев шагал тут же, и Никодим, воспользовавшись случаем, когда тесный проход в одном месте заставил всех уплотниться, два раза злобно толкнул его локтем под ребра, за что сейчас же был схвачен конвоирами за руки.

— Сволочь! — процедил мой друг, сверля глазами ненавистную фигуру. Тот едко расхохотался.

Остановились перед одной из дверей. Небезы до того медлительно и неловко возились с ее запором, что Вепрев не выдержал, оттолкнул их и сам любезно распахнул перед нами двери каземата.

— Пожалуйте, друзья, скоро увидимся!..

Полный ядовитого сарказма смех долго стоял в ушах, когда за нами дверь защелкнулась, и мы очутились в четырехугольном ящике с одним только круглым, заставленным массивной решеткой окном.

— А дальше что? — спросил Никодим упавшим голосом.

— Не робей, дружище, — крепился я, — неужели мы не надеемся этот медлительный народец?..

На осмотр помещения потребовалось всего несколько секунд. Кроме двух возвышений из литого белого металла, очевидно, предназначенных для сна, но слишком коротких для нас, да такого же столика, в каземате проходила еще труба, служащая для отопления. Больше ничего не было. Квартирка не из уютных!...

В обсуждении своей горькой, как казалось нам, участи мы провели часа два, вдруг дверь заскрипела и появился... старый знакомый — Уйя.

С поспешностью, на которую он только был способен и которая, видно, давалась ему не легко, так как пот стекал с него ручьями, он бросил нам трубку бумаги и исчез.

— Баснями, что ли, хотят нас кормить? — пробурчал Никодим, развертывая мелко исписанную бумагу. — Не мешало бы вместо этого фунтиков пять хлеба бросить.

— Что это? Прокламация от Вепрева? — вмешался я. Бумага была заполнена убористыми строчками на русском языке.

Пробежав начало послания, мы сразу переменили о нем мнение и с увеличивающимся с каждой строчкой вниманием погрузились в чтение.

«Товарищи, земные жители!» — начиналось воззвание.

«Для того, чтобы (прежде всего) рассеять сомнения, могущие у вас возникнуть относительно авторства настоящего письма, мы даем вам следующее короткое введение.

Авторы письма — представители широких масс небезов...

Некогда население Луны равнялось 5-и миллиардам, теперь оно едва доходит до цифры в 200 миллионов, из которых 192 падает на небезов, зверски угнетаемых 8-миллионным классом везов...

Везы — наши порабитители, наши кровопийцы в буквальном смысле этого слова...

Не удивляйтесь, что мы пишем к вам на одном из земных языков, именно, на русском. На протяжении своей долголетней жизни — по сравнению с земной — мы имеем возможность изучать сотни самых разнообразных наречий, не только Земли, но и других планет...

Сами мы, как вы уже, наверное, успели убедиться, не обладаем даром речи: небезы беседуют между собой посредством лучистой передачи мыслей. Когда-нибудь и вы, земные обитатели, дойдете до этого, и у вас атрофируются голосовые органы, как теперь у нас...

Сознательный, исторический лунный мир насчитывает за собой более двух с половиной миллионов лет существования; за это время наша наука и наши технические средства, конечно, на много опередили науку и технику Земли. За это время, благодаря науке, мы изучили не только природу соседних с нами планет, но и их жизнь, привычки народов, их нравы, речь и пр. ...

Изучаем мы все это при помощи особых психо-машин, идею конструкции которых самостоятельно открыл ваш великий ученый, а вместе с тем и подлец, Вепрев. Психо-машинами мы ловим психическую радиацию существ, населяющих планеты, и, как Вепрев смог расшифровать излучения Луны, так мы расшифровываем и записываем излучение бесчисленных миров.

Нужно оговориться: все эти машины, к нашему несчастью, находятся в руках везов, наших тиранов, а мы пользуемся ими и их достижениями лишь контрабандным путем, путем создания своего особого подлунного мира, местопребывание которого неизвестно нашим врагам. Там находятся (кроме тюрем) наши лучшие и честнейшие умы,

заботящиеся, вопреки яростному нежеланию везов, о воспитании и образовании широких угнетаемых масс...

Каждый небез живет около 1.500 лет (считая на ваше, земное времяисчисление, а вез — в 2 раза больше; деторождение у нас совершается в тысячу лет один раз. На протяжении всей жизни мы успеваем, при наличии желания, узнать и изучить многое.

Особенно мы следим в последнее время за развитием и ходом разумной жизни на вашей планете. В последние 3-4 года каждый сознательный небез счел своим долгом изучить русский язык, как язык народа, восставшего против своих тиранов и борющегося с изумительной энергией за идеалы трудящихся...

Наша жизнь не всегда была одной и той же продолжительности. Было время, когда наш век равнялся земному — очень давно это было; затем с постепенными завоеваниями науки, уничтожившей микробов и причины преждевременной старости, лунные жители достигли своего максимума долголетия — 3.000 лет; это было в период истинно-небезовского правления, к концу существования социалистической лунной республики. Это было 500.000 лет тому назад.

Затем произошел кровавый переворот... Везы, которых мы уже считали безопасными, но которые на самом деле только и жили надеждой — из поколения в поколение — на захват власти, добились своего.

Везы применили самые жестокие и чудовищные средства, чтобы сохранить за собой первенство и власть, а нас лишить всякой возможности к восстанию. Они, сохранив свое долголетие, сократили — применением особого питания — наше. Они, вымирая сами от роскоши, разврата и изнеженности, периодически устраивают нам массовые кровопускания с целью сохранения нужной им пропорции между своей численностью и нашей. Они применили в качестве средства порабощения и устрашения масс психо-машины, которыми постоянно ловят наши мысли и предупреждают, таким образом, выступление против них. Этими же психо-машинами они умерщвляют целые области небезов, когда

им то понадобится и, самое главное, одурманивают нас, истощают наши мыслительные органы, порождают в нас ту медлительность во всех наших жизненных проявлениях, которую, вероятно, вы заметили; делают нас неспособными к активной инициативе, к борьбе. Это самое жестокое, на наш взгляд, проявление необузданной власти свирепых диктаторов.

Везы вымирают с каждым тысячелетием. Два тысячелетия тому назад их было 16 миллионов, а нас около 400. Вымирая сами, они заставляют и нас сокращаться в своей численности...

В период нашей республики мы населяли всю внутренность Луны и то полушарие, на котором вы в данное время находитесь...

Захватив власть в свои руки, везы оставили за собой лишь одно полушарие, расположились на нем со всею роскошью и простором, а нас заперли внутри Луны, заставляя вести всю работу по ремонту машин самой Луны — она разрушается и распадается с каждым столетием — по выработке продуктов питания, предметов роскоши и пр., и пр.

Кроме того, они пытались приучить нас к давно брошенному нами образу жизни, создав нам искусственные сутки в 20 часов, тогда как лунные, естественные сутки продолжаются 704 часа, — лунные жители бодрствуют 352 ч. подряд и столько же спят; этим они хотели вернуть нас в первобытное краткосрочное существование, но это им не удалось... Не удалось по той простой причине, что, прогрессивно и быстро вымирая, они так же быстро сократили нас до ничтожной цифры, и внутренность Луны была оставлена. Там лишь в 15.000 лет один раз мы производим ремонт всех автоматов, вырабатывающих свет, тепло, воздух, воду и пр.

Все, что вы видели внутри Луны, — остатки нашей древней культуры.

Постепенно и наша настоящая, населенная область сужается и сужается... Недалек тот момент, когда умрет последний вез, а вместе с ним, благодаря принятым ими заранее мерам, исчезнет вообще жизнь на нашей планете.

Таковы перспективы, рисуемые нам господством везов...

Кроме класса везов и нашего, существует на Луне срединный класс, — у вас он называется «спецами», — о котором мы не будем здесь говорить, так как он лишен всякой идеологии: служит тем, кто ему хорошо платит и обеспечивает его существование.

Ваше прибытие на Луну взбудоражило все ее немногочисленное население — и везы, и небезы одинаково одухотворены теперь надеждой: одни на устранение прогрессивного своего вырождения, которое, как они думают, произойдет от переселения их на более молодую планету; другие — на освобождение из свирепой кабалы. Но есть разница в том, как отразится на вас осуществление этих двух надежд.

У нас существует легенда, сказание, что лунная жизнь в корне изменится с прибытием на Луну двух земных разумных существ... Везы толкуют это сказание по-своему, мы — по-своему.

Дело в том, что наша планета все заметней старится, дряхлеет, распыляется. В ее массе, вследствие окончательной потери ею тепла, происходит процесс распада атомов. В самом непродолжительном времени Луна должна будет или постепенно распылиться, или в один момент взорваться — так думают везы, и это их, понятно, сильно смущает, так как, по их мнению, нет таких средств, чтобы остановить разрушительный процесс и восстановить твердость и прочность субстанции Луны.

Но собака зарыта, как говорят у вас на Земле, для везов не в этом: они по своей дегенеративной наивности воображают, что их вырождение всецело зависит от разрушаемости планеты (!) и что для омоложения своей крови им необходимо переселиться на молодую планету...

С нашей техникой последнее вполне осуществимо. Единственной планетой, удовлетворяющей везов в климатическом отношении, является сравнительно молодая Земля. Но они не уверены, что их там хорошо примут и что социальные условия на Земле окажутся для них подходящими.

И вот им нужно было достать двух земных жителей из бунтарского элемента Земли, чтобы, зарядивши свои гигантские машины, явиться на новую планету во всеоружии. Без этого они не рискуют на переселение.

Когда сюда в первый раз прибыл Вепрев, везы обрадовались, думая, что осуществляется, наконец, сказание. Но скоро разочаровались. Вепрев оказался представителем эксплуататорского класса Земли. Но он также оказался весьма сообразительным и находчивым прохвостом.

Узнав от везов тайну их психо-машин и технические подробности действия таковых, он обещал устранить на Земле обстоятельство, служившее везам препятствием к переселению. Для этого, получив от везов лунную психо-машину вместо сконструированной им самим и негодной для “работы” в широком масштабе, он вернулся на Землю.

Мы знаем, что ему помешало в его замыслах — мы одинаково хорошо следим из наших конспиративных помещений и за везами, и за Землей.

Тогда он постарался завлечь вас на Луну, что ему и удалось не без малого для себя риска. Мы могли бы помешать этому, если бы нам не было желательным ваше прибытие.

В настоящий момент идет установка под наблюдением везов гигантской психо-машины на полушарии, обращенном к Земле... Лишним будет объяснять цель последнего приготовления.

Обратимся к нашим надеждам и к возможности их осуществления.

Мы не уверены, подобно везам, в непригодности Луны к дальнейшей жизни... Не уверены потому, что имеем секрет, скрытый нами от них во время переворота. Разрушение Луны можно остановить и также можно восстановить разрушенное.

Но от прибытия двух земных жителей, настроенных коммунистически, мы ожидали и ожидаем совсем другого...

Мы ждем, что они станут во главе нашего восстания и, благодаря отсутствию у них медлительности и сонливости, свойственных в большей или меньшей мере почти всем небезам, быстро ликвидируют тиранию дегенератов-везов!..

Вот чего мы ждем от вас!

Мы не дадим вас в руки палачей... Через несколько часов вы будете освобождены и укрыты в наших тайниках, защищенные там от губительного действия психо-машин, если даже они будут заряжены мозгом убитого товарища Вепрева, на что мы имеем основательные подозрения.

Наши тайники многочисленны и сплошь забронированы базитом, знакомым уже вам белым металлом, встречающимся у вас только в самых недрах Земли; он не пропускает психо-волн ни извне, ни изнутри. Последнее даст вам возможность свободно мыслить и отдавать свои распоряжения без боязни быть подслушанными везами.

Если вы согласны стать во главе нас, чтобы поднять восстание против палачей, скажите “да”.

Ваша мозговая радиация в связи с этим решением тотчас же дойдет до нас, и мы примем свои меры.

Члены Тайного Совета по восстановлению Коммунистической Республики

Ра XXX и Ау XXI».

Какое впечатление произвело на нас письмо? А вот какое. Мы, ни секунды не колеблясь, громко, радостно и с полной готовностью на что угодно, прокричали:

— Да!..

XXVIII

Строя самые радужные перспективы по поводу последствий лунной революции, которая должна быть произведена нами, мы с нетерпением ждали момента, когда небезы откroют нам двери тюрьмы.

Громко раздались за дверью шаги. Так же громко заколотились наши сердца.

Загremели запоры.

И... перед нами предстал, с перекошенным от бешенства лицом, Вепрев.

Из-за него выглядывали пухлые головы двух везов, державшихся в воздухе без всяких приспособлений. Везы держали в руках трубочки с утолщениями на одном конце. Я догадался, что это их оружие, выпускающее фиолетовое пламя.

Сзади их сумрачные фигуры небезов во главе с Уйя дополняли общую картину, не сулившую нам больших приятностей.

Вепрев яростно метал взоры, окидывая нас и нашу каморку, и остановил их на длинном листе бумаги в руках Никодима.

— Ага! Вот каким образом вас начали информировать! — крикнул он, бросаясь к Никодиму.

В своей слепой ярости он забыл о моем присутствии, но я-то не забыл ничего...

Удар ноги в живот заставил Вепрева сложиться пополам, вроде перочинного ножика, и отлететь мешком в угол... Одновременно обоими кулаками я обрушился на уродливые головы везов и приплюснул их к полу...

Никодим без меня догадался, что делать: вспыхнула спичка, и от письма остался один пепел...

Небезы, заглядывавшие через дверь, в притворном смущении отвернулись.

Когда Вепрев, очнувшись от моего угощения, стал неверной рукой шарить в кармане, я занес ногу для нового удара, но... упал с парализованными членами. Примчалась по воздуху целая орда везов и пустила в ход фиолетовое пламя. Никодим не замедлил грохнуться вслед за мной.

Однако сознание наше работало ясно.

Направив на небезов адские трубочки, везы заставили их поднять нас и протащить по тоннелеобразным коридорам на изрядное расстояние.

На плечах небезов мы спускалась все ниже и ниже и, наконец, достигли большой круглой залы, посередине которой возвышался на стержне купол, прикрывающий собой круглый и широкий ход вниз. Назначение подобных сооружений нам уже было известно.

*Одновременно обоими кулаками я обрушился на
уродливые головы везов.*

Пока один вез, отличавшийся более развитыми мышцами, возился и кряхтел под сводом купола, а другие с интересом следили за ним, я успел разглядеть невдалеке ковыляющую к нам согбенную (не от моего ли удачного выппада?) фигуру Вепрева. Он, никак не доверяя лунным жителям, всюду желал присутствовать вместе с ними...

В глубине колодца раздался лязг; по тому, как медленно он приближался к нам, я заключил, что колодец глубок. Поднялся ящик-лифт.

Небезы положили нас бережно на пол лифта. Двое из них поместились тут же. Вепрев, охая и пуская молниеносные взоры на виновника своего недомогания, опустил ся-рядом.

Из везов один влетел в лифт, он парил неподвижно у потолка с трубочкой в руках.

Завизжали канаты, и мы плавно поплыли вниз.

Около моей головы сидел небез с весьма интеллигентной физиономией. Я заставил его смотреть на себя и постарался внушить ему мысль.

— Хорошо бы хватить кулаком по черепу веза и по уху Вепрева...

Небез понял меня, но... испуганно потупился.

Я произвел тот же опыт внушения с другим не менее интеллигентным небезом — такой же результат!

— Не пытайтесь, друг мой, — заскрипел гнусавый голос, конечно, Вепрева, — не пытайтесь производить свои эксперименты... Это вам не стеклянные шарики!..

Подлец нашел мое больное место!.. Я бессильно заскрипел зубами, а он зло-довольно расхохотался, видимо, мстя мне этим воспоминанием за удар.

Лифт остановился. Такая же круглая сводчатая комната, но без выходов — сплошные металлические стены окружали ее. В полу — три на крепких засовах плиты.

По приказанию веза средняя плита была поднята. Нас положили с краю открывшегося провала. Вез отдал новое приказание. Небезы приблизились к нам и вдруг с отчаянной решимостью бросились на своего господина...

Тот стрелой метнулся кверху и направил свое оружие; небезы опрокинулись навзничь и застыли с поднятыми кулаками.

Вез снизился и попытался сам столкнуть в дыру — безуспешно: его слабые мышцы не осилили нашей тяжести.

Тогда Вепрев, криво-напряженно улыбаясь, сбросил вниз сначала Никодима, потом меня.

XXIX

Сколько времени прошло, не знаю — мои часы при падении разбились — когда я очнулся с ломотой во всем теле. Кругом — ни зги не видно. Я приподнялся с трудом на четвереньки и позвал Никодима.

— Это хорошо, что вы живы, — сразу отозвался он. — Вы очень долго лежали без всяких признаков жизни...

— Где мы?

— А вот смотрите. — В его руках блеснул луч электрического фонарика (нас до сих пор ни разу не обыскивали) — перед глазами обрисовалось тесное, сдавленное со всех сторон вогнутыми внутрь стенами помещение. Настоящая крысоловка!

— Ну-с, ваше самочувствие? — мрачно спросил мой друг, осветив мое лицо.

Я взял у него фонарь и стал внимательно исследовать каждую пядь пола, потолка и стен.

— Лишнее! — безнадежно бросил Никодим, — я уже вполне ознакомился с нашей квартиркой...

Базитом, кажется, называли авторы письма тот металл, которым бронировались их тайники. И наша крысоловка, по всей вероятности, была оштукатурена им.

— Кушать-то нам что-нибудь полагается? — насмешливо-злобно прервал гнетущее молчание Никодим.

— Вы очень больно ударились при падении? — вместо ответа спросил я его.

Тот расхохотался:

— Я упал на ноги!.. Вы напрасно думаете, что из моей головы выскочило немножко мозгов! — А потом, внезапно набравшись бодрости, спросил меня в свою очередь:

— Итак, что утешительного нашли вы при осмотре?

— Ничего не нашел.

— Напрасно, — поднимаясь и беря у меня фонарь, сказал мой друг. — Смотрите, — направил он на потолок луч света.

— Ну, что ж? Та самая плита, через которую мы прибыли...

— А вот рядом... Отмерьте приблизительно аршина два...

Рядом в потолке помещалось круглое сито. Я не заметил его в первый раз.

— Через него, должно быть, воздух попадает в нашу камеру, — сделал я предположение.

— Очень просто, — подтвердил Никодим и объяснил мне, что он уже пытался вызвать о помощи посредством концентрации мыслей к нашим союзникам, но не получил никакого ответа.

— Это потому, что нас окружают не пропускающие психической энергии стены.

— Теперь возьмем это сито, — продолжал Никодим. — Если через него проходит воздух, — а он проходит, я проверил — то нужно обязательно предположить, что он течет по какой-нибудь трубе с какого-нибудь завода... А если с завода, то там должны быть наши единомышленники... Я ждал вашего пробуждения. Если бы вы совсем не пробудились, я не стал бы ни черта предпринимать... Но раз вы живы, можно попытаться...

Идея Никодима была такова: воспользоваться воздухоносной трубой как психо-телефоном для подачи о себе весточки.

— Ах, ты, мой умница! — похвалил я его, шутливо привлекая к себе.

— Ну... ну... целоваться будем потом, — так же шутливо отвечал мой товарищ, бережно отстраняясь.

В общем, наша бодрость была найдена. Я даже забыл о своей ломоте.

Несколько прыжков к потолку убедили меня в функциях сита. При последнем прыжке я удачно проткнул его ножом, а затем вырезал совершенно. Обнаружилась ямка диаметром в поларшина с круглым отверстием посередине.

Теперь Никодим освещал потолок, а я, фиксируя взглядом затененное на общем белом фоне отверстие и вспомнив невольно уроки «незабвенного» учителя, стал посылать психо-волны своего мозга, вызывая Аи 21-го и Ра 30-го.

Никодим наполовину растерял терпение, когда я ощутил первую ответную волну.

— Кто вы? Кто вы? — так перевел я ее.

— Люди с Земли, попавшие на Луну, — радиировал я. В ответ задрожала радость, очевидно, охватившая моего невидимого собеседника.

— Могу ли я переговорить с Аи 21-м или Ра 30-м? — спросил я.

Меня попросили подождать...

Никодим заметил мое возбуждение и, сам хватив его через край, прерывающимся голосом тихо кинул:

— Отвечают?..

— Да.

Вдруг я почувствовал мощную радиацию — это Ра 30-й стоял у «телефона».

«Где вы находитесь?»

Я описал ему подробно наш тернистый путь от дверей первого каземата до настоящей «Голгофы».

«Не помните ли вы, в какой трап вас спустили?»

— В средний... Да, в средний! — вспомнил я.

«Все хорошо, — бодро телефонировал Ра, — ваша темница недалеко от наших тайников... Вы сейчас будете освобождены... Есть ли у вас оружие?»

У нас оставались два револьвера и ножи, о чем я и сообщил.

«Если нам попытаются помешать, защищайтесь до последней капли крови...» — пришел совет. И затем:

«Мы, вероятно, поднимем некоторый шум, наши соплеменники его не услышат, но вы знайте, что это — ваши друзья...»

Разговор прервался. Я поспешил сообщить Никодиму его содержание.

Взвели курки револьверов и ждали.

Обостренный до крайности слух скоро поймал первый шум — где-то сбоку работал бурав.

— Только бы не прилетели эта чудовища с палочками... — чуть не плача, прошептал мой товарищ.

Бурление с каждой минутой становилось резче, но одновременно же наверху раздалось постукивание копытц...

Бурав, казалось, сверлил совсем рядом... а плита в потолке стала подниматься...

Мы потушили фонарь, перебежали к стене, где все громче к громче слышалось бурение. Сердца грозили разорваться.

Как только в щель на потолке заглянула скверная рожа веза, я угостил ее пулей. Другая сунулась с палочкой и получила то же, от чего уронила свое оружие к нам...

Никодим, как угорь, скользнул к палочке и мгновенно вернулся с ней обратно...

Стена, к которой мы трепетно прижимались, гнула и гудела...

Из-под плиты появились сразу три палочки — фиолетовые лучи забегали по камере, ища жертву...

Я палил, не переставая, из револьвера, и палочки сыпались и сыпались вниз...

Никодим вооружился двумя палочками, справился с их несложным механизмом и стал посылать хладнокровно и методически фиолетовые лучи в отверстие потолка.

Воспользовавшись паникой, внесенной в ряды везов неожиданным появлением среди них лучей, я бросил свой разрядившийся револьвер и тоже запаса везовским оружием.

Наверху послышались суетня и возня — противник прибывал; но он не знал, что делать — все отверстие теперь заливалось лучами, идущими от нас.

В стене над нами просунулся громадный бурав, потом спрятался, а вместо него в камеру прыгнул небез с мышцами атлета...

Прежде всего он швырнул наверх через отверстие в потолке какой-то шар, отчего наверху грянул взрыв...

Потом побросал нас, как мячи, в дыру, проделанную буровом.

Мы немного ушиблись...

Небез впрыгнул за нами, а в камеру бросил небольшой баллон, сейчас же разбившийся и заполнивший ее удушливым дымом...

Нас куда-то потащили при свете ручных фонарей. Ход за нами немедленно заклепывался небезами мягкой белой массой, быстро твердеющей...

XXX

Первые дни своего пребывания в небезовских тайниках, представляющих из себя роскошные апартаменты, оборудованные по последнему слову лунной техники, мы всецело посвятили изучению Луны, ее жизни, социальных отношений и пр., и пр.

Население Луны равняется 200 миллионам душ; это, так сказать, по официальным сведениям. На самом же деле, свыше 20-ти миллионов небезов постоянно прячутся в тайниках, и они не входят в вышеупомянутую общую цифру. Таким образом, на долю небезов падает не 192 миллиона, как сообщили нам в письме, а 212 милл. — цифра внушительная по сравнению с таковой для везов совместно с спецами, близко к ним примыкающими (8 мил.).

Заселено все полушарие (противоположное полушарию, обращенному к Земле); оно равно 366.000 кв. миль. Вся поверхность Луны исчисляется в 688.640 кв. миль, т. е. равна поверхности обеих земных Америк.

Если бы не сорокаэтажные небоскребы и не подпольное существование 20 милл. небезов, можно было бы удовлетвориться такой густотой населения одного полушария, но в том-то и дело, что на Луне не только заброшена

внутренность ее, вполне годная для жизни, но и многие небоскребы пустуют.

Такова мудрая политика везов!..

Они вымирают, вымирают с ужасающей прогрессией; деторождение у них совсем прекратилось... И, следуя велениям мудрой пропорции между численностью своей и «черного» люда, они регулярно истребляют последний.

На Луне нет других партий, кроме партии деспотов (везы и спецы) и партии «по восстановлению социалистического строя» (небезы). Слишком свежа в массах память о благах павшей республики... Никаких других течений и группировок среди небезов нет.

Этим, казалось бы, должна значительно упрощаться задача взрыва среди тиранируемых масс революционного движения...

Но... положение усложняется, усложняется почти до невозможного, действием проклятых лунных психо-машин!..

Однако, я упорно сбиваюсь с намеченного мною плана — описать так, как мне удалось самому видеть при полетах на атомо-аппарате, наружное устройство лунной жизни.

К моим услугам для развездок существует упомянутый атомо-аппарат. В то время, как на Земле намечаются лишь первые искания в области использования атомной энергии, на Луне она применяется уже свыше 1 миллиона лет.

Я мало смыслю в физике, а тем более, в таких тонкостях, как распадение атомов и его прикладное значение в механике. Благодаря Никодиму и небезам, Аи и Ра, я немного раскусил эту тонкую, но крепкую штуку.

Что в природе нет ничего неподвижного — знает теперь даже малый ребенок. И я знаю: Земля вращается вокруг самого себя, носится, как бешеная, со скоростью 28 верст в секунду вокруг Солнца; Солнце тоже несется куда-то с роем планет, к нему тяготеющих, со скоростью 20 верст в секунду. Вот что я знал. Оказывается — мало. Каждое вещество, каждый элемент, как говорят ученые, включает в себе движение. Каждое вещество, будь то металл, дерево, вода или воздух, состоит из мельчайших частиц, совершенно невидимых глазом, даже в микроскоп; их называют атомами.

И все эти атомы находятся и постоянном движении: одни движутся слабо, другие быстрее. Чем слабее, медленнее совершается движение в данном веществе, тем оно долготей. Наши земные металлы, обладающие большой прочностью, состоят из атомов, слабо движущихся.

Значит, от движения атомов внутри вещества зависит его прочность и конечное распадение, разрушение — чем скорее атом вращается, тем легче ему выйти за пределы организации, в которую он заключен.

Нашей родительнице — Земле ученые пророчат гибель от этого распада атомов, из которых состоит ее масса. Луна почти дошла до такого состояния. Ее запыленность объясняется выходом атомов из менее прочных элементов ее массы.

Однако это совершается не так-то быстро, чему примером та же Луна, где жизнь возникла раньше земной, но еще существует до сих пор.

Так что, бояться близкой смерти для матушки-Земли нечего.

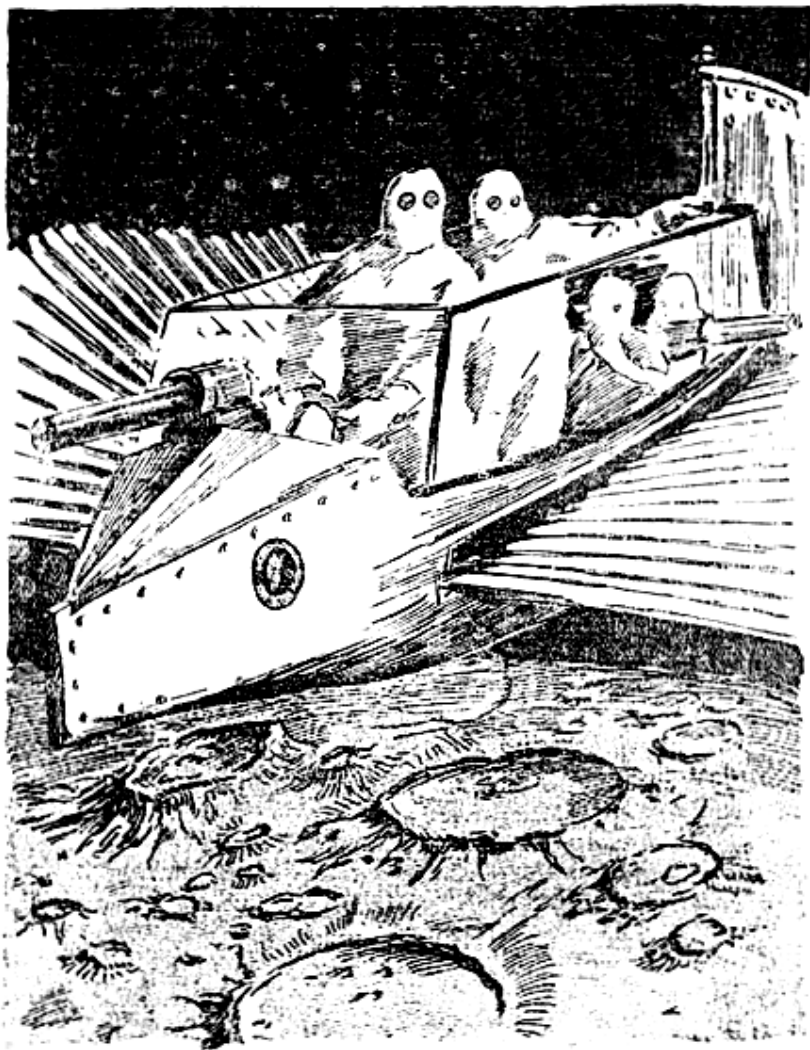
Кроме того, здешние ученые (из небезов) знают способ для восстановления распавшихся атомов. Чем мы хуже их? Пройдет время — и наши ученые докопаются до этого, а нет — заимствуем у небезов...

Энергию вращающихся атомов лунные жители научились использовать, как у нас используют движение ветра, воды и пр.

Кроме солнечной энергии и психической, на Луне широко применяют эту атомную энергию, главным образом, для передвижения по воздуху.

Не буду здесь описывать того атомо-аппарата, который предоставлен мне для поездок; упомяну только, что он построен по «птичьему» типу, т. е. передвигается на сложных махающих крыльях.

Когда мы — я, Никодим, Ра или Аи, вылетаем из своего убежища, скрытого глубоко под Луной, нас сопровождают лучшие воины, выросшие и воспитанные в небезовских тайниках; это значит, что они почти совсем лишены обязательных для всех небезов медлительности и сонливости.

...Я, Никодим, Ра или Аи вылетаем из своего убежища.

Все мы надеваем на себя чехлы из «базитированной» материи (защита от психо-волн и фиолетовых лучей). Предосторожность не лишняя, так как всегда могут встретиться «доброжелатели», пожелавшие нас отправить на лоно Авраама.

На бортах нашего крылатого экипажа всегда находятся пушки, могущие в любую секунду отправить на расстояние до двух верст красные лучи (изобретение небезов), сжигающие все.

Психо-машин небезы не имеют, так как не знали до сих пор главных деталей их конструкции. Только со времени нашего прибытия, в тайниках закипела лихорадочная работа по изготовлению этих чудовищных орудий, когда Никодим сообщил им секрет, полученный от Шарикова.

Выше 10-и верст атомо-аппарат подниматься не может из-за разреженности лунного воздуха. А за границу 40-а верст уже ни одна летательная машина (будь то даже психо-машина) не перейдет. Все населенное полушарие Луны прикрито, как громадным колпаком, матовым хрустальным сводом, покоящимся на гигантских колоннах, тоже из хрусталя.

Свод может закрываться металлическими шторами, что делается на большем протяжении лунного дня; таким образом избегается перегревание почвы и атмосферы. На ночь, во избежание чрезмерного охлаждения, шторами задерживают весь свод.

На Луне истреблены растения и животные, вернее, не истреблены, а вымерли. Да они здесь и не нужны. Для согревания и освещения жилых помещений, площадей и улиц лунные жители пользуются солнечным светом и теплом; для своего питания — искусственными продуктами, добываемыми непосредственно из неорганических веществ синтетическим путем.

Морей, озер и рек на лунной поверхности нет. Вода хранится в глубоких подлунных бассейнах, защищенных от действия жара, холода и ветра; оттуда она поступает по трубам вверх и употребляется в ограниченном (конечно, для небезов) количестве, под строгим контролем и учетом.

От нас до самого последнего времени скрывался один источник энергии, которую везы широко применяют. Это — психо-энергия Земли.

Я думаю, что небезы оставили последнее сообщение на случай, если бы мы колебались принять участие в движении против тирании везов. Но так как этого не было с самого начала и во сие время, они выложили свой запасной козырь и покаялись.

Итак, психо-энергия Земли ловится везами посредством мощных магнитов и переводится в тот или другой вид новой энергии.

Конечно, такая из века в век продолжающаяся кража силы движущей культуры Земли не может проходить безобидно для жителей ее. Может быть, застой и обратное движение человеческого прогресса, наблюдавшиеся в истории Земли, тем и объясняются, что везам в эти эпохи требовалось большое количество энергии и они сильнее обыкновенного истощали человеческое мышление?..

Может быть, этим же и объясняется явление лунатизма на Земле? Ведь доказано, что наиболее нервные, впечатлительные люди, т. е. интенсивно расходующие психо-энергию при каждом удобном и неудобном случае, чаще всего подвержены странному действию лунного света... Не происходит ли здесь избирательного истощения мозга лунными психо-машинами, как по линии наименьшего сопротивления?..

А странное поведение собак при полнолунии не стоит ли в связи с тем же?

Вопросы интересные, но не мне заниматься ими — эрудиция моя в этой области слишком бедна.

Кроме хрустального свода и штор, на лунной поверхности нет ничего замечательного.

Аи и Ра уверяют нас, что населенная часть Луны может великолепно обходиться без естественного солнечного света. Свод и шторы — остатки древней культуры, когда лунные жители не знали способа использовать солнечную энергию, разделяя ее на световую и тепловую.

В настоящее время Луна могла бы существовать при том свете и тепле, которые проводятся с незаселенного ее полушария. Следует, говорят они, наглухо затянуть хрустальный свод не пропускающим солнечных лучей материалом. Солнце только мешает правильной жизни, заставляя производить сложные манипуляции со шторами, то закрывая, то открывая их.

Действительно, чуть ли не до самого свода простираются лунные здания и сооружения. Уже на середине их высоты естественного солнечного света и тепла не хватает. Там стоял бы вечный мрак и сырость, если бы не жидкое солнце и не искусственное согревание.

XXXI

Я сидел за столом, подводя последние итоги учета рабочих сил по союзам, отбрасывая те из них, которые по своей близости в работе и обеспечению к везам и спецам могли оказаться ненадежными в революционной борьбе.

Все равно, и без них цифры оставались внушительными. Можно было бы хорошо потряхнуть везовскими косточками!

Если бы только захватить психо-магниты! Или, по крайней мере, парализовать их тлетворное действие!

Ведь благодаря ему мы до сих пор не сумели организоваться: каждая новая мысль, каждое настроение и намерение у небеза, не находящегося в тайнике, немедленно извлекается магнитами, и мало того, что он сам лишается всех тех сведений, которые мы передали ему с большими трудностями, рискуя выдать свое убежище, — эти сведения становятся достоянием везов... С другой стороны, постоянное вытягивание, как клещами, психической энергии небезов обуславливает медлительность их, сонливость и неспособность к активности...

Влетает растрепанный (и по наружности, и по состоянию чувств) Никодим, за ним Ра и Кайя — небез-женщина.

(Женщины на Луне вполне равноправны с мужчинами.)

Кайя — миловидный слоненок — более всех была взволнована.

Вследствие постоянного вращения в среде бессловесных существ, мы даже между собой оставили земной способ разговора, и вся сцена, помещенная ниже, прошла целиком при посредстве прямой передачи мыслей.

— Андрей, дело плохо! — воскликнул Никодим, — наши слухачи передают о готовящемся через 24 часа очередном истреблении небезов!..

Так как в нашем распоряжении не имелось психо-магнитов, мы не могли, подобно везам, ловить мысли наших врагов простым механическим путем.

У небезов применялись другие средства для этого.

Ценою многих жизней, тысячелетиями, они тайно от своих владык проводили обыкновенные базитные трубы изо всех помещений, предназначенных для собраний везов и для жизни заправил.

Трубы эти кончались в тайниках, и у конца каждой постоянно дежурили по очереди небезы-слухачи, которые своей специально тренированной головой исполняли роль психо-магнитов.

Эти-то слухачи и донесли о новом готовящемся кровопускании.

На собрании везов были доложены цифры новой, громадной убыли в их рядах. Для сохранения нарушенного равновесия между классами решено было пустить в расход 30 миллионов небезов...

Шутка ли! 30 миллионов жизней должны были оборваться по прошествии земных суток, по мановению пальчика дегенерата!..

— Ваши психо-машины? — спросил я Никодима, бросая свои выкладки.

— Психо-машины, если нам и удастся построить их, — глухо отвечал тот, — не успеют раньше двух недель...

— Ну, хотя бы одну! Ведь тогда, поймав какого-нибудь даже самого паршивого спеца и зарядив им магнит, можно

будет покончить сразу со всеми спецами, приставленными к орудиям убийства...

— Нет ни одной...

Кайя в Ра с надеждой и мольбой смотрели то на меня, то на Никодима. Они, хотя и выросли в тайниках, охранявших их от угнетающего действия везовских аппаратов, все-таки, как плоть от плоти своих родителей, тысячелетиями подвергавшихся психическому истощению, не отличались быстротой сообразительности.

— Проведены ли слуховые трубы в «Дворец пропорций» (так остроумно называли везы место, где стояли магниты)? — спросил я Ра с внезапно блеснувшей у меня счастливой мыслью...

— Проведены, — еще не понимая вопроса, отвечал он.

— Ура!.. Выход найден!.. Мы можем пустить по трубам красные лучи и спалим не только везов с их машинами, но и весь «Дворец»!...

— Красные лучи, — печально объяснил Ра, — прежде всего расплавят трубы, по которым будут идти, и до «Дворца» поэтому не дойдут!..

— Ах, черт!.. Ну, тогда пустим фиолетовые лучи!.. Хоть на время парализуем спецов...

Ра подумал (минут пять, не меньше) и опять не согласился:

— Пуская во «Дворец» лучи и только временно выводя из строя персонал, обслуживающий магниты, мы рискуем потерять свои тайники, а вместе с тем и последнюю надежду на революцию...

— Почему?

— Везы сейчас же произведут расследование, как только у нас иссякнет запас лучей, и откроют трубы... А по ним легко проследить до самых наших тайников...

— В таком случае, у нас остается еще один выход, — не сдавался я, — это окружить «Дворец» атомо-аппаратами и зажечь его из пушек красными лучами...

Теперь Кайя выступила моим оппонентом:

— К «Дворцу» не подпускают никого на расстояние 30-ти верст... Пушки же наши действуют только на 2 версты...

— Ну, хорошо!.. Мы прорвемся!.. — горячился я.

— Нет, — покачали головой Кайя и Ра, — открытое нападение не годится... Прежде чем атомо-аппараты проникнут до половины расстояния, везы откроют магниты, и тогда вам придется оплакивать не 30 миллионов погибших жизней, а гораздо больше...

Вот тебе и человеческое мышление!.. Надо, видно, проситься в отставку... с позором!..

— Никодим, где же ваша сметка?

— Сметка моя при мне, — спокойно отвечал друг и с тайной, глубоко-запрятанной мыслью спросил Ра:

— Известно ли вам, какие союзы должны подвергнуться разгрому ?

— Это мы знаем на опыте старых боен, да и слухачи теперь подтверждают то же... — И он стал перечислять союзы, обреченные на смерть.

Никодим что-то соображал, а я со скрытым восторгом следил за ним — этот уж придумает!

— Объясните, как происходят эти массовые убийства... Вот вы сказали, что должна погибнуть одна четверть союза вез-пищевиков... Как могут убийцы так строго разграничивать район своего действия?

— О... очень просто... Из каждой фабрики, изготавливающей пищевые продукты для везов, будет отозван известный процент рабочих, как бы на собрание, в специальные громадные залы, в эти залы везы заранее проложили проводку от психо-магнитов... И так же с остальными союзами...

— Очень хорошо!.. — глубокомысленно закончил Никодим к вящему удивлению небезов. — Носят ли рабочие прозодежду?

— Все носят.

— Какого образца и вида эта одежда?

— У всех по одному образцу: глухой костюм, накрывающий все тело вместе с головой — против глаз остаются отверстия, защищенные стеклом, и еще небольшое отверстие для дыхания; последнее тоже можно герметически закрывать...

— Как долго могут небезы затаивать дыхание?

— О... на этот счет мы сильно отличаемся от вас... Около двух часов мы можем жить не дыша...

— Великолепно. Теперь еще один вопрос... Если он решится благополучно, то... все хорошо! Какое количество базитированной одежды имеется у вас?..

У меня захватило дух от восторга — я понял, к чему клонил мой друг... На складах в тайниках лежали горы этой одежды!..

Ра вытаращил глаза, в изумлении поднял хобот вверх, собираясь от неожиданности... чихнуть. Кайя пустилась — не скажу, чтобы в изящный — танец...

Одежды хватило бы на 50 миллионов небезов...

Идея Никодима была проста и гениальна: часть рабочих каждого союза (из обреченных) одевается в базитированную одежду, скрыв ее под прозодеждой; не снимая ее, отправляется, когда потребуется, в залы убийств, там все закрывают наглухо отверстия одежды, затаивают дыхание и притворяются мертвыми... Рабочие, присланные для уборки тел, отправляют последние не в крематории, а в тайники, помещения которых свободно вмещают этот «излишний» прирост населения. А так как крематории и вход в тайники находятся почти рядом, а при сжигании трупов никогда до сих пор не присутствовали ни везы, ни спецы, замысел должен удаться прекрасно...

Я очень далек от сентиментальностей, но тут уже Никодим не смог отвертеться от дружеских горячих объятий...

Медлить было нельзя: Ра и Кайя немедленно отправились, чтобы подготовить все по идее Никодима, а сам он скромно вернулся к своим неудачливым психо-магнитам.

Я остался один с итогами и статистическими выкладками, касающимися наличия революционных сил.

XXXII

Прошло около недели со дня прибытия к нам пополнения — в 30 миллионов небезов. Замысел Никодима увенчался успехом. Везы одурачены и остаются в полном неведении о приросте наших активных сил.

В эту неделю мы приостановили организационную работу, чтобы окончательно ввести противника в заблуждение и не давать никакого повода к интенсификации репрессий. И так за последнее время в связи с нашей подпольной агитацией случаи арестов и убийств в среде небезов заметно участились.

В подполье теперь 50 миллионов весьма сознательных и готовых в любую минуту к выступлению небезов.

Все наши мысли направлены к одной цели: так или иначе ликвидировать деятельность психо-магнитов. Если они будут уничтожены — будет взята главная цитадель противника. Остальное не представляет больших трудностей.

Правда, у везов могут оказаться другие орудия убийств, припасенные про черный денек, вроде наших красных лучей, но ведь волков бояться — в лес не ходить!.. Без жертв не обойдешься...

Никодим погружен до кончика носа, замазанного сажей, в горячку изготовления магнитов. Возле них он и спит и ест. Обещает раньше указанного им срока выпустить первую машину.

Я знакомлюсь по тайным чертежам с планами местожительства врага и с «Дворцом Пропорций» — его базой. Главная масса везов живет во «Дворце», остальные сконцентрированы вокруг него, в таких же громадных — до 60 этажей — зданиях, которые только по недоразумению не названы «дворцами». Роскошь построек и оборудования, так резко отличающих их от скромных лачуг рабочего люда, дает им полное право называться «дворцами».

Если бы удалось разгромить это гнездо дегенератов и разрушить их машины, задача была бы разрешена целиком.

Тот же день

Когда я дописывал последние строки, ко мне подошел небез, передающий от слухачей их наблюдения, и сообщил мне, что Вепрев (за ним слежка велась и днем и ночью) собирается лететь. О целях поездки узнать не удалось.

Уже не один раз я получал аналогичные донесения и всякий раз пускался на атомо-аппарате в преследование, и всякий раз терял его машину в море таких же машин, парящих над необъятным городом (все население Луны слито в один громадный, на 366.000 кв. миль, город).

Служило ли это препятствием для нового преследования? Нет.

Я, не медля ни минуты, позвал Никодима, одного небеза для управления атомо-аппаратом, и мы вылетели ураганом через потайные ворота.

Вепрев жил во «Дворце». Когда механическая атомоптица принесла нас к границе «Дворца», я сразу на этот раз узнал аппарат Вепрева, так как он вылетел на психомашине земного типа, т. е. закрытой со всех сторон и предназначенной для межпланетного путешествия.

— Только бы не отстать! — боязливо колотилось сердце, и я попросил пустить «птицу» на полный ход.

Пока мы пролетали среди густо реющих воздушных птиц, кораблей, лодок, планеров и пр., Вепрев от нас находился на 10-15-саженном пролете, но стрелять в него из пушки было опасно по многим соображениям.

Но вот «сигара» его выскользнула на простор и молнией рванулась... куда я и ожидал... к тоннелю, ведущему на другое полушарие Луны.

Значит, он собрался навестить многострадальную Землю, но будет ли ей легче от этого — сомнительно!

Птица тщетно выбивалась из сил, пытаясь приблизиться к «сигаре»... хотя бы на расстояние выстрела из пушки... Большого мы не желали!..

Все больше и больше уменьшалась в размерах «сигара».

Вот она маячит уже в виде точки...

«Сигара» сгорела, как фейерверк.

Конец! Куда нам угнаться за машиной, покрывающей пространства с быстротой мысли!.. Можно возвращаться обратно — в тайники... Подлец Вепрев что-нибудь устроит на Земле!..

Но что это?

Точка стала расти...

И не успели мы приготовиться к достойной ее встрече, она уже была с нами рядом, так что нетрудно было разглядеть ехидную рожу Вепрева в одном из окон...

Узнав нас, он спрятался.

Я моментально навел пушку и залил «сигару» красным полымем...

«Сигара» сгорела, как фейерверк, со всеми своими потрохами, далеко не долетев до расстилающейся внизу площади...

Но и Вепрев перед смертью успел пустить луч, ослепительно белый, в один миг пожравший правое крыло «птицы»...

Кувыркаясь, мы с двухверстной высоты понеслись вниз...

На лету я выбил переднюю стеклянную загородку «птицы»... И все троим мы прыгнули через излом, когда были в двух-трех саженьях от Луны.

Я и Никодим, благодаря своим крепким ножным мышцам (в особенности на Луне!), упали вполне благополучно. Небез разбился насмерть.

Аппарат при ударе сгорел дотла.

Это была малолюдная окраина города. Несколько небезов — свидетели воздушной драмы — поспешили исчезнуть, как только завидели нас. Зато из воздуха спускался небольшой крылатый аппаратик с двумя полицейскими-везами.

На высоте трех саженьей они остановились и с трубочками в руках покинули неподвижно парящий аппарат.

Первый вез устремился на меня, на лету выпуская парализующие лучи...

И он, еще не сообразив, что на мне базитированная одежда, свалился с разбитым черепом после моего гигантского прыжка к нему...

Второй обрушился на Никодима и... застрял в его крепких объятьях.

С пленником в руках мы поспешили воспользоваться полицейской машиной, чтобы под аплодисменты снова появившихся небезов скрыться восвояси.

XXXIII

На Луне — революция!.. — Если можно только назвать так переворот, когда, после свержения неограниченной власти кучки узурпаторов, сразу же водворился на старое место социалистический строй...

На улицах и площадях такое бурное, хотя и безмолвное, ликование, что у меня карандаш пляшет в руке!..

После гибели Вепрева и пленения веза все пошло, как по маслу...

Никодим собрал первый психо-магнит.

Вез-пленник, лишь узнав о своей участи, от страха скончался скоростижно, чем облегчил нам задачу. Его мозгом мы немедленно воспользовались.

50 миллионов небезов, вооруженных огненосными ружьями, стояли наготове, когда мы, поместив психо-магнит на вышку ближайшего крематория и пустив его во всю мощь, следили по психо-экрану за одним многолюдным собранием везов и спецов.

Сначала на нем лишь старички клевали носами, что, очевидно, бывало с ними и раньше, так как никто не обращал на это большого внимания.

Затем те же старички бесцеремонно растянулись на пюпитрах, выпуская из хоботов трели. Последнее несколько обеспокоило собравшихся.

Потом вдруг все разразилось отчаянной зевотой: председатель, больше всех ловивший хоботом воздух, объяснил странную сонливость приближением ночи.

Действительно, долгий лунный день стоял на исходе — объяснение председателя показалось правдоподобным.

— Очень медленно действует, — нетерпеливо произнес Ра; его то и дело требовали воины, у которых сильно чесались кулаки.

— Магнит один, а голов 8 миллионов, — буркнул Никодим, — ждали тысячелетиями, подождут еще несколько минут...

В это время собрание почти заснуло. Редко-редко кто еще боролся с неодолимым сном.

Я попросил показать внутренность «Дворца пропорций». Кайя и Аи перевернули рукоятку солнечного психографа, вставили трубы-штепселя в соответствующие слуховые трубы, и перед нами прошел ряд картин с крепко спавшими спецами подле вверенных им психо-машин. Здесь никто не мешал поддаться очарованию зазывчивого сна.

Подождав немного и видя, что наш магнит по своей относительно малой мощности переносит везов лишь в царство сна, а не смерти, я дал сигнал к выступлению.

Аи и Ра бросились к воинам.

Я, Никодим и Кайя остались возле экрана, чтобы следить за перипетиями борьбы.

Мы видели, как воины могучей лавой окружили «Дворец».

Только в одном месте им было оказано сопротивление. Спец у главных ворот, поборов тяжелый сон, грянул из пушки белыми лучами и сжег в мгновение ока несколько тысяч нападавших. Этим его подвиг и закончился. Атомом-аппарат, залетевший с тыла, испепелил героического спеца.

По всему необъятному городу наступление началось разом и протекало всюду с одинаковым успехом.

Еще одна стычка произошла около психо-машин и опять закончилась в пользу восставших.

Разоренный народ принялся громить чудовищные орудия, пожравшие столько жертв.

Сообразив, что мы останемся без единого аппарата и принуждены будем на неопределенно долгое время задержать себя из-за этого на Луне, я предложил Никодиму лететь вместе со мной на «атоме», чтобы остановить разрушение.

Мой друг отказался:

Воины могучей лавой окружили дворец (наступление началось разом и протекло всюду с одинаковым успехом).

— Пускай их громят на здоровье! Это — вредные и ненужные теперь орудия... У нас есть своя машина, кстати, она заряжается в настоящую минуту самой сильной в мире энергией... Мы на ней свободно перелетим обратно на Землю...

— Если так, — я ничего не имею против.

Мы видели, как около 6 миллионов везов и спецов были переведены в тюрьмы, остальные пали жертвой справедливого народного гнева.

— Сеанс окончен! — возгласил Никодим, когда все полушарие было очищено от насильников.

— Ну, как, Никодимушка, не пора ли на Землю?...

— Сгораю от нетерпения...

* * *

Но вернувшиеся, радостные, бодрые и возбужденные, без следов какой-либо медлительности, небезы во главе с Аи и Ра ни за что не хотели нас отпустить.

— Вы должны присутствовать на первом заседании нашего Совета... — говорили они. — Это — наш большой, большой праздник... Последний Совет заседал 500.000 лет тому назад...

Наша уверенность, что мы нужны своей революции, не помогли.

Тогда мы обещали вернуться к первому заседанию, которое должно быть через 5 земных суток, и пробыть на нем до наступления лунной ночи.

Собственно говоря, Никодим свободно мог остаться на Луне — никакие обязанности и тем более привязанности не тянули его к Земле... В то время, как здесь... впрочем, буду скромным...

Через 24 часа вылетаем. Мне необходимо узнать день и месяц. Мы совсем потеряли счет земному времени.

Если окажется, что мой отпуск еще не кончился, я сейчас же вернусь обратно, Никодим (конечно!) тоже.

XXXIV

Пишу, сидя в психо-машине, над поверхностью родной планеты. Она приняла нас не особенно гостеприимно.

Мы слишком долго находились в разреженной лунной атмосфере, и это не прошло бесследно. Наши легкие не выдерживают воздушного давления, когда мы снижаемся к земле.

Но мы были над Ленинградом, и нам удалось узнать не только месяц, но и день...

7-е ноября!.. Еще одна годовщина Великой Октябрьской Революции!..

На знаменах, флагах и полотнищах, заполнявших улицы Ленинграда, эта цифра резко бросалась в глаза даже на той высоте, где мы были с своей машиной...

Значит, отпуск мой еще не кончился.

Однако мне хотелось бы прежде, чем возвратиться на Луну, оставить здесь свой дневник. Он перенес со мной все опасности и радости пребывания в далеком, чужом мире.

Сейчас летим на Кавказ. Где-нибудь на заселенной горе спустимся, и я передам свою рукопись...

Подлетаем к Тифлису...

Я был в нем раньше и знаю его.

Мы ожидали, что здесь атмосфера будет разреженной. Не тут-то было!..

Придется снизиться, насколько выдержат легкие...

Вот гора Давида...

На ней черная точка — человек, говорит бинокль.

Ему я бросаю свой дневник...

Прошу передать его в Комсомол.

Андрей.

Примечания

Роман В. А. Гончарова «Психо-машина» впервые вышел в свет в изд-ве «Молодая гвардия» (М.-Л., 1924) тиражом в 8000 экз. В СССР не переиздавался. Переиздания: Витебск, без указ. изд., 2010; Екатеринбург: Тардис, 2011; М.: Книжный клуб Книгобек, СПб.: Северо-Запад, 2014.

Текст публикуется по первому изданию с исправлением ряда очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Роман написан под явным влиянием «Аэлиты» А. Толстого (1922-23); как и у Толстого, герои Гончарова провоцируют революцию в среде инопланетной цивилизации с глубоким социальным расстройством. Другим непосредственным источником послужила повесть А. Куприна «Жидкое солнце» (1913).

Наряду с полнейшей научной недостоверностью в романе присутствует целый фейерверк научно-фантастических идей: использование психической энергии, телепатическое общение, обитаемость планет Солнечной системы, древнейшая цивилизация на Луне, контроль над населением с помощью «психо-энергии», парализующие и разрушающие лучи, солнечные батареи, синтез пищи из неорганических веществ и т.д.

Хотя в «Психо-машине» меньше, чем в некоторых других вещах Гончарова, ощущается пародийное начало, автор в то же время пародирует и А. Толстого, и НФ-романы о путешествиях на Луну от Ж. Верна до Г. Уэллса.

Определенные элементы романа заставляют вспомнить НФ-произведения, созданные многими десятилетиями позднее. Так, блуждания героев по покинутому инопланетному заводу, автоматические станки и механизмы которого заняты непонятной на первый взгляд деятельностью, близко соотносятся с соответствующими эпизодами «Эдема» Ст. Лема (1959); тотальный психический контроль и излучатели гипноэнергии напоминают об «Обитаемом острове» А. и Б. Стругацких (1969).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.